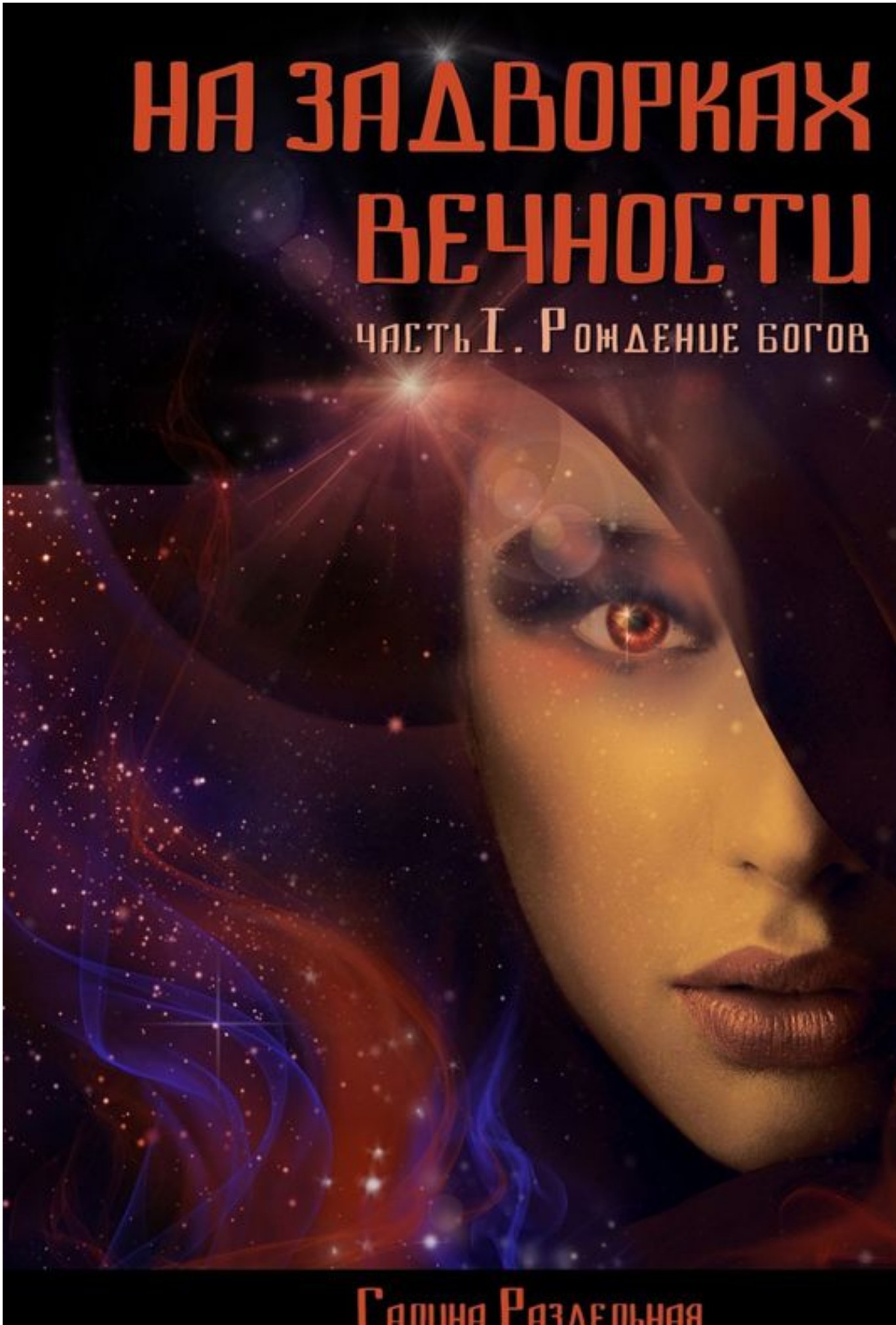
НА ЗАДВОРКАХ ВЕЧНОСТИ
ЧАСТЬ I. РОЖДЕНИЕ БОГОВ
Сашка Разделькая

Галина Раздельная

На задворках вечности. Часть I. Рождение богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805111
ISBN 9785447461423

Аннотация

Двое друзей, бывших военных, возвращаются на планету-столицу межзвёздной республики, чтобы похоронить убитого при необычных обстоятельствах товарища. Ведомые желанием разобраться в смерти друга, оба попадают в эпицентр опасных событий, истоки которых уходят вглубь прошлого, тесно переплетая настоящее и будущее. Неожиданно в момент опасности им на выручку приходит загадочная и необычная девушка Кали.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 40
Глава 6 53
Глава 7 61
Конец ознакомительного фрагмента. 66

На задворках вечности
Часть I. Рождение богов
Галина Раздельная

© Галина Раздельная, 2016
© Анастасия Урасинова, дизайн обложки, 2016
© Татьяна Мельничук, дизайн обложки, 2016

Корректор Юлия Полященко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Красная Звезда в последний момент сумела сдержать рвущийся из её сферы выброс. Убийственная сила её яркого светила, если она неконтролируема, способна уничтожить не только ближайшие планеты, но и всю Солнечную систему.

Такого с ней раньше не происходило. С самого своего рождения, вот уже более семнадцати миллиардов лет, Звезда всегда умела управлять своей сферой, но удивление от визита таинственного гостя лишило её самообладания. Кем бы ни был гость, он не спешил выдавать себя, что не мешало его присутствию буквально кричать в сознании Красной Звезды. Непостижимо могущественная энергия ощущалась в пришельце, и ещё кое-что, что заставляло душу далеко не молодой Звезды, существующую в этой Вселенной практически от её начала, сжиматься от первобытного страха.

– Тебе не стоит меня бояться, – холодный, обволакивающий голос звучал в каждом уголке сознания Звезды. – Ты же знаешь, я не могу причинить тебе вреда… Пока не могу.

Она это знала, но против своей воли всё больше поддавалась страху. Ещё немного, и это скажется на её сфере. Красная Звезда с трудом подчиняла себе солнце, готовое в любую секунду выплеснуть идущую из ядра силу.

– Ты знаешь, кто я?! – вопрос звучал скорее как утверждение, не требующее ответа. – И ты знаешь, зачем я здесь.

Колючий страх сковывал душу Звезды, но её уникальный разум помогал ей, и давно нашёл нужные ответы. Тот, кто вторгался в её сознание, был известен её матери, прекрасной сущности, одной из первых в новом мире, светившей незадолго до неё, из пыли и газа которой родилась и сама Красная Звезда. Обрывки памяти погибшей гиперновой навсегда отпечатались в душе Красной Звезды, и он, её гость, пришедший из других измерений, был в них.

В иных мирах он носил разные имена – Великий Архонт Созидания, Падальщик, Архонт Времени, Владыка Пустоты, Владыка Энергии и многие другие, но здесь его знали как Тёмного Кочевника. Знали и боялись. Ибо путь его состоял из разрушения и смерти, которые он оставлял после себя. Он существовал, и будет существовать, пока привычные для нас миры не вернутся туда, откуда пришли, а это значит, что путь его бесконечен. Неисчислимые годы он путешествует сквозь пространство-время, ступая по крепким нитям невидимой энергии. Он один из тех, кто стоит выше любых других обитателей Вселенных, и встреча с ним равносильна приговору.

– Я даю тебе возможность всё исправить, – голос Тёмного Кочевника обрастал вибрацией, громкой, болезненной, как тонкое лезвие, разрезающее мысли, но был он всё таким же тихим и спокойным. За ним скрывалась сила и уверенность в этой силе.

– Исправь то, что ты сделала! – говорил он ей. – Исправь это прямо сейчас, и ты будешь жить.

Сознание Красной Звезды сжималось под давлением и колебаниями материи вокруг. Её измерение и измерение таинственного гостя наваливались друг на друга, и вынести такие аномалии долго не смог бы никто. Так бывает всегда, когда чья-то сущность, тень души пытается проникнуть в другие миры. Но далеко не каждый способен на такое. Обладатель этой души должен быть невероятно могущественным, чтобы пройти через все слои пространства-времени, и при этом не чувствовать последствий своего путешествия.

Пришелец не только не мучился от аномалий, но и был способен влезть в её сознание. Страх всё больше руководил Звездой, но здравый смысл подсказывал, что стоит только закрыться от него, и всё закончится. Её сфера пульсировала и выходила из-под контроля. Чудовищный выброс искал возможность убежать и был готов уничтожить всё вокруг. Невероятными усилиями Красная Звезда противилась крепким цепям гостя, заковывающим её

волю и решительность. Ещё немного, и Тёмный Кочевник окончательно затуманит её разум, подчиняя себе.

Практически теряя самообладание, в последние мгновение она сумела разорвать цепи и усмирить солнце. Внезапно всё изменилось, утихло, давящие тиски спали с её души, и она почувствовала невероятное облегчение и освобождение от страха.

– Неплохо, – раздался прежний голос, – я не мог не попробовать. Признаю, ты сильна. Но тем и интереснее будет наша игра.

Последние его слова звучали шёпотом, затихающим и уходящим в никуда.

Красная Звезда чувствовала, как пространство вокруг неё постепенно приходило в изначальное состояние, колебания исчезали, завихрения времени разглаживались, её невидимый гость возвращался в свой мир. Через несколько минут всё уже было так, словно ничего и не произошло. На мгновение Звезда даже поверила в это, но слишком реальным казался её сон, чтобы не быть реальностью. И лучшим тому подтверждением оставался холодный голос гостя, до сих пор звучащий в её сознании: «Выполни мою просьбу: не давай мне повода приходить вновь».

Но почему-то Звезда уже знала, что такой повод будет.

Глава 1

Пробка глухо вылетела из горлышка бутылки, освобождая прекрасное вино приличной выдержки, тонкий аромат которого тут же распространился за небольшой ширмой мелкого торговца. Ему было что праздновать. Два часа назад условная линия границы межзвёздной Сеннаарской Республики осталась позади, а вместе с ней и самый выматывающий в его жизни пограничный осмотр.

Глупцы-военные дольше обычного продержали его у заставы, выискивая следы контрабанды. «Где такое видано, чтобы честного торговца с идеальной репутацией, подданного дружественной соседней системы, подвергали таким унижениям?» Он не упускал возможности поворчать в адрес молодых пограничников, проверяющих его товар. Впрочем, палки не перегибал, лишь бы достоверно и убедительно смотрелось. На деле же провоцировать ворчун никого не собирался, тем более что о своей честности и идеальной репутации сам торгаш позабыл ещё до рождения, и сейчас ему вряд ли хотелось делиться этим секретом.

Вернувшись на место пилота, он, смакуя, отпил дорогого вина, не переставая себя нахваливать. Вот уже шестой раз ему удалось провезти партию редких аккадских бриллиантов с необычным пепельным оттенком, которые так ценились у него на родине. Улыбаясь своим мыслям, он всё же понимал, что пора завязывать. Удача и в этот раз практически отвернулась от него. Ещё немного, и пограничники обнаружили бы надёжно спрятанный тайник. Хорошо, что им пока не приходило в голову искать что-то внутри двигательных систем, ведь разве может что-то уцелеть в таких раскалённых температурах? Бриллиант, и тот бы распылился.

Но торгаш нашёл способ доставлять камешки целыми, предварительно обмакивая те в редкий термоустойчивый сплав. Правда, потом приходилось повозиться, извлекая драгоценности назад, но оно того стоило. Сбережений торговцу теперь хватит на несколько жизней вперёд, так что с подобными полётами и впрямь пришло время завязывать.

Самодовольная ухмылка блуждала по не пышущему здоровьем лицу ещё далеко не старого торговца. Весь он полностью погрузился в мечты, в которых то и дело тратил награбленное. Вот он в своём новом транспорте с прекрасной спутницей. Пусть теперь его бывшая кусает локти… А вот он у берега небольшого собственного острова, или вовсе, стоит на капитанском мостике великолепного космического круизного лайнера, а все вокруг ловят каждое его слово, взгляды, аплодируют ему, восторгаются:

«Кто этот знатный господин?» – звучало в его голове.

«Вы видели его коллекцию скульптур? Нет? Только для избранных».

«А что за историю он недавно рассказывал! Значит, дело было так…»

Он так и остался с улыбкой на устах, возможно, даже не осознав, что это последние секунды его жизни. Взрыв маленькой, немой вспышкой ненадолго озарил густую темноту галактики, навсегда поглощая крохотное торговое судно, а мимо него на околосветовой скорости быстро проносились тысячи едва различимых молний неизвестных военных кораблей, не замечающих последних искр своей жертвы.

Им не было дела до неожиданного и незначительного препятствия на их пути, всего лишь ненужного свидетеля, от которого стоит избавиться. Их дорога вела к куда более крупной преграде, прохождение которой с таким удовольствием ещё мгновение назад праздновал незатейливый торгаш.

Впереди начинались рубежи могущественной Республики…

…

Это был его последний, прощальный, вечер с самым любимым местом в Сеннаарской столице, лесами на границах материков, выходящими на небольшой утёс, под которым тихо плескались воды залива. Многовековые леса, вернее, лишь малая их часть на окраине, только на первый взгляд были дикими, но таковыми их сделал он сам, Дильмун, некогда охотник и следопыт, а теперь один из Хранителей в Сеннаарской сокровищнице знаний. Практически все деревья в этой части леса были высажены им, и являлись чуть ли не его ровесниками, которых он привёз сюда ещё две с половиной тысячи лет назад, как напоминание о доме и местах, где он вырос.

То было не просто напоминание из прошлого, а единственное напоминание. Вскоре после его переезда на столицу-планету Аккад тогда ещё Сеннаарской Империи во всех системах вспыхнули восстания. Великая Сеннаарская Империя, держащая под своим началом не только все четыре материка главной планеты, но и все обжитые уголки этой части галактики в радиусе ста парсеков, раскалывалась, как орех. Каждая система восставала против тирании, и всё это вылилось в длительную кровопролитную межсистемную войну, в результате которой на месте одной империи образовался республиканский межзвёздный союз четырёх автономных республик. Там, где была тирания одного, пришла власть шести: двух Верховных Правителей и нижестоящих четырёх Канцлеров, которые пока успешно справлялись с возложенными на них обязанностями.

Сеннаар стал Республикой, но заплатил за это большую цену. Не уцелела и деревушка Дильмуна, дотла были сожжены обширные леса. Эта катастрофа навсегда изменила расу илимов, многому научила, но она, как знал Дильмун и остальные посвящённые в его дело, была просто ничем по сравнению с нависшей над ними всеми угрозой. И, предвидя неизбежность будущего, Дильмун не мог упустить последней возможности попрощаться со своим прошлым. Если всё пойдет так, как задумано, этих лесов, как и этого мира, ему уже не увидеть.

Впрочем, собираясь за город, Дильмун явно не так представлял себе сегодняшний вечер. Тихая уединённая прогулка вылилась в кошмар, в котором он был повинен сам. Стоило ранее довериться интуиции, рассказать другим, признать, что его опасения не беспочвенны. Конечно, ему не хотелось быть параноиком в глазах предводителя телохранителей, Хоннора Хора, но он чувствовал возрастающую угрозу, что само по себе было невозможно, ведь он жил и работал в закреплённом за ним Хранилище, находящемся в самом защищённом и неприступном комплексе на всей планете и, пожалуй, галактике. Никто и ничто не могло проникнуть на территорию Сеннаарской сокровищницы знаний. Это сообщество, существующее более полумиллиона лет и занимающее территорию свыше двухсот тысяч квадратных метров, напоминало государство в государстве, жившее по своим правилам и законам, и не подвластное ещё ни одному режиму. Во все времена его защищали воины, достойные того, чтобы о них слагали легенды, умы, не знающие себе равных, опережающие в прогрессе всех на много поколений, и охранные системы, которых не было и не будет за его пределами. И все это благодаря знаниям, хранившимся за стенами всех монументальных, удивительно оформленных архитектурных творений, – Хранилищ.

Заведуя одним из тридцати Хранилищ сокровищницы, Дильмун был практически привязан к месту работы, и предпочитал соседство мёртвых пыльных книг, своих игривых кошек и оцифровочных программ, нежели живых и всегда любопытных первых учеников, среди которых он когда-нибудь должен будет выбрать преемника. Ещё меньше Дильмун терпел всех остальных. Любое общество неизбежно вызывало уныние, а светская болтовня приводила к тому, что лицо одного из самых уважаемых историков и философов Республики приобретало отстранённое выражение, как у умственно отсталого, а сам он надолго уходил в себя.

Теперь же Дильмун ругал себя за свою отчуждённость и необщительность. К его чудачествам за долгую, уже двухтысячелетнюю, карьеру давно привыкли, сам он видел в этом возможность не участвовать в скучных и занимающих много драгоценного времени светских мероприятиях. Но будь он чуточку терпеливее к другим, и, возможно, сейчас его предчувствия так и остались бы всего лишь домыслами.

Отправляясь на привычную прогулку, Дильмун, как обычно, отослал от себя на приличное расстояние приставленных к нему по службе телохранителей. Эта малая поблажка, вытребованная у Совета Хранителей знаний, была единственной их уступкой в споре о личной охране. Ему претила одна только мысль, что за ним вне стен Хранилища всегда должны следовать двое хорошо обученных и подготовленных сотрудников. Но таковы были условия его вступления в должность как одного из Хранителей. Все Хранители всегда были под защитой лучших воинов.

Нельзя было упрекнуть его спутников. Их присутствие поначалу нервировало Дильмуна, но всегда скрытные, незаметные и тихие, как тени, телохранители вскоре даже заслужили его уважение. Они не мешали его работе, профессионально исполняли свои обязанности, и, главное, редко попадали в его поле зрения. Он смирился с их присутствием в практически каждом эпизоде своей жизни, но не мог смириться с тем, чтобы даже в редкие минуты полного одиночества и единения с тихой красотой вечерней природы эти незримые охранники находились рядом. Нет, такие мгновения принадлежали только ему, и он настоял на недлительных прогулках на закате несколько раз в месяц. Первый командир Хоннор лишь недовольно поднимал подбородок каждый раз, когда Дильмун отправлялся за город, но перечить не собирался. Все знали, что с этим чудаковатым стариком, застрявшим взглядами и манерами в прошлом, лучше не спорить.

На этот раз, впрочем, как и во все предыдущие, Дильмун отправился к лесу за несколько часов до заката. Дорога туда на сверхзвуковом транспорте занимала десять минут. Транспорт и двоих телохранителей он оставлял на границах парковой зоны, а сам поднимался на высокий утёс, откуда под сенью могущественных многовековых деревьев открывался захватывающий вид на залив. Его телохранители могли видеть одинокую высокую фигуру в длинной чёрно-серебристой накидке – все ещё статного старика, неподвижно наблюдавшего за опускающимся в воду светилом. Этим вечером он провожал закатное солнце до последнего уходящего в спокойную водную гладь луча. Однако мысленно Дильмун был очень далеко. Давно ему не удавалось так размеренно и упорядоченно погрузиться в раздумья. Краткое время наедине с собой позволило смириться с неизбежным, и принять несколько решений. Это были важные решения, дело всей его жизни, от успеха которого зависело многое.

Оттого, Дильмун вдвойне ругал себя за непредусмотрительность. «Как я могу рисковать собой именно в тот час, когда моя жизнь как никогда имеет смысл?» Но на место нареканий тут же приходило слабое и неуверенное оправдание: «Как я могу не попрощаться с этим удивительным местом?»

Небо едва серело, когда старик встрепенулся от поглотивших его размышлений. Телохранители уже должны были прийти за ним и деликатно напомнить о надобности возвращаться. Сколько же он просидел вот так, забыв обо всём вокруг?

При себе у Дильмуна был маленький чип связи с постом телохранителей, встроенный в сделанные под старину часы на его левой руке. Он несколько раз вызвал Видара, одного из двух телохранителей, сопровождающих его сегодня. Ответа не последовало. Имени второго телохранителя Дильмун не помнил. Парень был в отряде достаточно давно, его представляли Дильмуну, но Хранитель, конечно же, из-за присущей ему нелюдимости пропустил это мимо ушей. Как и прежде, старик помнил лишь то, что вызывало его симпатию. Видара же он знал практически с пелёнок, и сам некогда поспособствовал его принятию

в личную свиту. Со временем молодой телохранитель все чаще стал радовать Дильмуна врождёнными способностями, и старик нередко сетовал, что пока не может заполучить парня в свои ученики до окончания военного контракта. Но Хранитель уже не сомневался, что Видар по достижению срока не станет продлевать службу и с радостью займётся учёбой в стенах сокровищницы. Это неподдельное стремление к познаниям и заложенные природой качества молодого военного сблизили высокого по статусу Хранителя и незначительного по положению военного.

Повторив сигнал, Дильмун вновь не дождался ответа, отчего его тревога с утроенной силой перекинулась и на парня. Быстро холодало, но не спускающуюся ночную прохладу ощущал старик. Боязнь против его воли вторгалась в мысли. И, словно в подтверждение его догадок, в нескольких метрах раздался приглушённый треск сухой ветки.

– Кто здесь? – тихо выкрикнул Хранитель и тут же поднялся на ноги.

Он не стал дожидаться ответа и молниеносно бросился в обратную от источника шума сторону. Инстинкты и навыки охотника из далёкого прошлого принесли ему пользу даже через сотни лет с тех пор, как он их применял. Боковым зрением старик заметил, как на место, где он только что сидел, быстро опустилось что-то большое и крепкое, похожее на выпущенную ловчую сеть. Хранитель непроизвольно припустил бегом. Колючие ветки нещадно впивались в онемевшую от холода бледную синеватую кожу. Практически кромешная темнота заставляла Дильмуна мчаться через заросли без выбора направления. Да и будь у него такая возможность, он всё равно бы не смог сообразить, куда ему бежать. Он был здесь далеко не впервые и знал практически каждый куст на опушке леса, где красиво и симметрично разбитые парки мегаполиса постепенно вливались в дикую и нетронутую природу, но сейчас ему никак не удавалось найти ориентиры.

Завернув за очередную ничем не приметную чащу, старик заставил себя остановиться и перейти на шаг. Несмотря на большой рост и старость, теперь он совершенно не создавал шума. Всю свою юность Дильмун прожил в лесах, исследуя дикую природу и отлавливая браконьеров. Именно на них он и отточил навыки охотника, и былые инстинкты сейчас помогали ему как никогда. Но куда подевалась его охрана именно в то время, когда была впервые ему нужна?

Он ещё несколько раз нажимал на тревожную сенсорную панель связи, вызывая телохранителей. Результат был прежним. Его глаза постепенно привыкли к темноте, а отличный некогда слух обострился до предела. Дильмун не ошибся в предположениях. Как бы тихо он ни продвигался, его преследователи следовали за ним. Они не использовали оружия и просто постепенно окружали свою жертву, создавая полукольцо и отрезая путь назад.

Дильмун не заметил, как в его руке оказалась увесистая короткая ветка. Это приободрило Хранителя. Его тело и инстинкты помогали ему даже сейчас, когда мозг пытался разобраться в происходящем и так не вовремя впадал в панику. То, что он ещё не мёртв, говорило о многом. Конечно, это могли быть и падкие на наживу похитители, мечтающие запросить за него солидный выкуп. Но что-то подсказывало ему, что всё гораздо серьезнее. Дильмун предполагал худшее.

Необходимо было принимать решение. На помощь телохранителей, по всей видимости, рассчитывать не стоит. Десять шагов назад в темноте ему удалось узнать знакомый разлогий вяз и определить своё местоположение. Но путь к спасению ему отрезали медленно приближавшиеся преследователи. Дильмун не понимал, почему они не спешат атаковать. Неужели они опасаются четырёхтысячелетнего старика? А если опасаются, то значит, знают, на что он способен и кто он на самом деле. Беда лишь в том, что и Хранитель знал – сейчас он лёгкая мишень и противопоставить своим преследователям ему нечего. Случись такое ещё вчера – другой разговор. Но только не сегодня, когда от былых возможностей оставался лёгкий налет. Слишком много энергии он отдавал в последнее время для выполнения

своего предназначения. Он использовал силу вчера, проверяя пределы Солнечной системы и высматривая признаки приближения того дня, которого так боялся. Это изрядно истощило его, и новая потеря энергии могла теперь стоить ему жизни, а умирать Дильмун не имел права.

Как бы там ни было, пробираться дальше в лес нельзя. Здесь, на границе огромного мегаполиса, окружённого бескрайними лесами, повстречать патруль было практически невозможно, но в парковой зоне, если таковой и не встретишь, то на каждом углу находились защитные поля. В случае опасности любой прохожий мог укрыться за невидимым кольцом и нажать силовое поле, и тогда ни грабитель, ни кто-либо иной уже не достанет его, а патруль прибудет в считанные минуты.

Одно из таких защитных полей было всего в десяти шагах от места, где обычно стоял его транспорт. Но чтобы туда попасть, придется преодолеть не менее мили. Дильмун насчитал вокруг себя три аккуратно двигающиеся тени. Неизвестные были одеты в чёрное с головы до ног. В их руках виднелось оружие, которое те пока не пускали в ход. Двое из них уже начали заходить с обеих сторон от него. По центру оставался только один, и этот шанс надо было использовать.

Собрав всю волю, Дильмун постепенно успокоил хоровод панических мыслей в своей голове. Сердце билось ровно, готовилось к рывку. Он полностью переключился на физическую память тела, надеясь, что в нем ещё осталась былая крепость. Он давно не упражнялся, как в молодости, а с посвящением в Хранители и вовсе практически забросил занятия, делая лишь полезную для здоровья гимнастику. Но рука его крепко держала тяжёлую ветку, а ноги двигались ловко до автоматизма, подобно хищнику.

Кем бы ни были преследующие его, посчитать их неопытными дураками было бы верхом наивности. Дильмун не стал медлить и воспользовался временной разобщённостью неизвестных. В одно мгновение его тело разжалось, словно пружина, и в несколько шагов он преодолел расстояние к идущему по центру за ним преследователю. Про себя он успел отметить, что неизвестный был гораздо ниже и уже в плечах его самого.

Намеренно резко он нанёс удар веткой снизу вверх и, предвидя защиту и не надеясь на то, что противник растеряется, пошел на старый обманный ход. Ветка ещё скользила по выставленной для защиты рукояти оружия, а рука Хранителя, сжатая в твёрдый кулак, уже повторяла её траекторию. И этот удар попал в цель. Под его пальцами хрустнула чья-то челюсть, и, уже убегая, Дильмун за своей спиной слышал хрипы упавшего и бег приближающихся двоих.

Достопочтенный Хранитель знаний и не думал, что ещё умеет так бегать. Куда только подевалась его горделивая неспешность во время светских раутов или суетливая возня на рабочем месте. Придерживая обеими руками длинную сутану, задрав её практически до пояса, он бежал изо всех сил и проклинал тех, кто ввёл эту чертовую моду для Хранителей. Конечно, в обстановке таинственности и помпезности больших пышно убранных залов такие наряды только подчеркивали статус Хранителей сокровищниц знаний, но в реальной жизни, да ещё и в сложившейся ситуации, делали из него беспомощное посмешище.

Память тела помогла ему несколько раз вовремя уклониться от выстрелов в спину. На этот раз это было уже реальное оружие, но стрелявшие все равно опасались нанести существенный вред старику, и метили по ногам. До транспорта оставалось не более двадцати шагов, а за ним было спасительное защитное поле. Необходимо только переступить его черту, включить защиту и одновременно тем самым вызвать патруль.

Чувствуя предательскую усталость и боль в области сердца, Дильмун с трудом делал каждый вздох, но скорости не сбавлял. Расстояние до защищённой зоны быстро сокращалось, и он уже видел даже рычаг запуска силового поля, освещённый красивым кованым парковым фонарем. Усталость, напряжение, неожиданная нагрузка всё же сыграли своё дело.

Хранитель не заметил резко выскочившей из-за транспорта тёмной тени, и в то же мгновение его с силой сбили с ног. От падения и удара всем телом об землю у него потемнело в глазах. Позади слышались шаги преследователей, быстро приближавшихся к автолёту. Дильмун медленно приподнялся на руках и посмотрел на стоявшего перед ним илима.

– Парень, ты сбил не того! – с облегчением выговорил он, поднимаясь на ноги. Перед ним находился второй телохранитель. – На меня напали трое в лесу, и они сейчас будут здесь! Ваша хвалёная современная охранная панель не сработала. Скорее зови Видара и…

Хранитель осёкся при виде отсутствующего взгляда молодого агента. Медленно он начал пятиться в сторону защитного поля, в то время как телохранитель не сводил с него затуманенного взгляда.

Нечаянно Дильмун споткнулся обо что-то большое, неуклюже оступился, теряя равновесие, и упал назад. Перед ним лицом вниз лежал Видар, а его светлые коротко остриженные волосы практически полностью были заляпаны багрово-синей кровью. Не теряя времени, Хранитель быстро поднялся, готовый продолжать бег к защитному полю, но в этот момент что-то маленькое и острое впилось в его бедро. Прежде чем потерять сознание, он успел сделать три шага, но потом наркотик парализовал его тело. До того, как его разум полностью затуманился, старик понял, что над ним склоняется его бывший телохранитель. Куда подевались остальные нападавшие, Дильмун уже не видел.

Лицо телохранителя в приглушённом свете фонаря напоминало кукольную маску. Она искажалась и темнела, а глазницы казались пустыми. Но при этом на Хранителя смотрели полные немой отрешённости глаза молодого илима. Глаза эти переливались и меняли цвет, вспыхивали слабым свечением, пропадали вовсе и вновь загорались. Невидящие, пустые глаза, глубокие, как колодец миров, из которого на него смотрела сама Тьма.

Хранитель окончательно потерял сознание.

Глава 2

Энлилю снился сон родом из детства. Он понимал, что сейчас произойдёт, и в который раз пытался вырваться из сновиденья, но то крепко держало, не желая отпускать своего единственного зрителя. Каждое движение было медленным и вязким, словно Энлиль с головой окунулся в кисель, и теперь напрасно пытался вынырнуть и глотнуть воздуха. Он начинал задыхаться. Грудная клетка горела огнём. Такого раньше не было в этом сне, но может, он просто не помнил с пробуждением всех деталей, и теперь новый эпизод давал о себе знать вполне ощутимой болью, терпеть которую становилось всё труднее.

Сновидение всё больше затягивало его в то время, которое ему так хотелось забыть. Энлиль заметил, что превращается в маленького мальчика, улыбающегося женщине, лица которой он не помнил, но знал, что это была его мать. Женщина с силой тянет его за руку, куда-то ведёт. Энлиль ощущает её страх и растерянность. Он что-то говорит ей, что-то глупое, пытаясь унять её волнение. Впереди небольшая постройка, дешёвое придорожное кафе. Яркая вывеска с обещанием путнику сытного праздника живота нелепо выделяется на фоне убогих облупившихся стен. Ему вовсе не хочется идти внутрь, но мать продолжает вести его за руку.

Энлиль начинает упираться, пытается вырваться. Он кричит, кричит ей, чтобы она не преступала порог, что нужно бежать отсюда, бежать прямо сейчас. Но женщина не слышит его. Его крик вязнет в густом киселе вокруг, грудь вновь пронизывает острая боль. Страх проникает в его тело, и каждый шаг наливает ноги свинцом. Мать продолжает тащить его к зданию, а он, не в силах ей в который раз помешать, вновь погружается в свой кошмар.

Сновидение намеренно замедляется, мучает его. Языки пламени постепенно пожирают обветшалое кафе, лижут его дряхлые деревянные стены, стараются вырваться наружу из окон, распахивают свою пасть вместо дверей, в которые вот-вот зайдёт его мать. Он не может ей помешать, никогда не мог. Женщина вместе с ним переступает порог. И, как и раньше, Энлиль больше не чувствует своей руки в её ладони.

В этот момент его сновидение нередко посещало ощущение, что за ним наблюдают. Чей-то острый, пытливый взгляд скрывался во мраке дыма, рассматривая мальчика, и Энлилю казалось, что именно этот взгляд оставался самым реальным, что было в его кошмаре. Ему ни разу не удалось отчётливо рассмотреть того, кто подглядывал за ним, но, очевидно, что это была женщина, и, главное, что всегда ощущал Энлиль, она была его другом. Иногда он видел больше: проступал её силуэт, ему чудился странный цвет глаз, черты лица, обрывки фраз, что-то нелепое, сказанное удивительным, мягким тембром, таким неуместным для обстановки кошмара. «Оставь страх, – шептала она, – приходи в новый рассвет, и мы встретим его вместе…», а её незримое присутствие отодвигало любую боль, ужас, но всё это меркло и исчезало, когда сон перетекал к последней фазе.

Теперь он находился внутри помещения. Энлиль понимал, что способен уйти, убежать, но он не в силах оторвать свой взгляд от матери, застывшей посреди размытых и нечётких контуров, окутанной чем-то тёмным и дымным. Пламя постепенно переплетается с её волосами, обнимает, душит. Он чувствует её боль, задыхается и горит изнутри вместе с ней.

Как ему хочется дышать, просто дышать, но он не помнит вкуса воздуха, лёгкие полны пламени, убивающего в этом сне не только его мать, но и его самого.

Но ведь это сон. Сон! Он должен был уже проснуться. Энлиль всегда просыпался в тот момент, когда тело его матери поглощал огонь. Почему же сейчас всё пошло не так, почему сон не спешил отпускать его?

Энлиль продолжал задыхаться, темнота, окутавшая его мать, постепенно сгущалась над ним самим. Всё слабее угадывались контуры предметов вокруг, он едва различал раз-

бегающиеся, словно змейки, искры пламени, отступающие перед навалившейся темнотой. Огонь, ранее обжигающий, теперь словно баюкал свою жертву. Энлиль больше не чувствовал боли, не слышал предсмертного крика, не терзался сомнениями прошлого. Всё ушло, растворилось в этой дурманящей прохладе темноты.

Это был необычный сон, но Энлиль уже не хотел просыпаться. Кошмар, мучавший его долгие годы, наконец-то сжалился над ним, подарив забвение. И ему нравилось купаться в нём, нравилось ничего не чувствовать, всё глубже проваливаясь в сплошную тишину темноты.

Энлиль вдруг осознал, что останется здесь навсегда, застрянет в своём кошмаре. Мысль, напугавшая его, тут же растворилась, вновь уступая место забвению. Это правильно. Его место было здесь, и он должен был погибнуть в том взрыве много лет назад. Он не мог выжить. Но выжил. И теперь сон исправлял эту ошибку, возвращая его сюда.

Всё правильно. Он останется вместе с женщиной, чьего лица он не помнил, но знал, что она его мать. Он больше не бросит её одну, не оставит погибать в мучениях, как делал это каждый раз, просыпаясь в холодном поту.

Острая боль в груди вновь вернула его к реальности. Почему лёгкие продолжают гореть, если ему так хорошо? Разве он не принял свою судьбу? Не согласился остаться? Боль усилилась, разрывала его изнутри, распирая лёгкие. Он видел слабое свечение, разрезающее его спасительную темноту. Оно шло от него самого, сочилось из небольшого отверстия в груди и поднималось вверх.

Энлиль попытался прикрыть его рукой, чтобы вновь окунуться в темноту, но свечение то и дело отгоняло спасительный мрак, возвращая его в мир боли. Он начал кричать, не в силах более терпеть, но, крик, как и раньше, продолжал тонуть в тишине. Чей-то едва знакомый голос с трудом проникал в его сон. Он приказывал ему дышать. Снова и снова.

Продолжая погружаться в невероятную боль, Энлиль хватался за этот голос, как за последнюю возможность. Он говорил ему «дыши», и Энлиль пытался. Голос перешёл на крик, ритм которого отдавал ударами в сжавшихся без воздуха лёгких. Энлиль осознал, он должен сделать вдох, иначе он не просто останется в этом сне, он умрёт. От этого глотка воздуха зависела его жизнь.

Он начал сопротивляться давящей со всех сторон темноте, словно пытаясь вынырнуть на поверхность. Каждое движение давалось с невероятным трудом, но голос продолжал вести его, а слабое свечение указывало путь. Медленно Энлиль поднимался выше, туда, откуда до него доносился звук знакомого голоса. Боль практически лишила его рассудка, любой рывок стоил огромных усилий, но что-то не давало ему сдаться вновь. Желание сделать вдох казалось сильнее даже желания жить. И, как бы глупо это ни звучало, Энлиль был готов умереть за один глоток воздуха, хоть и сам понимал, что и так умирает.

Его ладони коснулись вязкой поверхности сновидения, следующий рывок будет последним, и он сможет вырваться на свободу. Сопротивляясь поглощающей его темноте, Энлиль не стал терять время. Ещё немного, и он действительно останется здесь навсегда. Поборов боль в последний раз, он с силой разорвал поверхность сна, и в этот же момент его грудь наполнилась пьянящим воздухом с привкусом крови и крика.

– Молодец, дыши, дыши, – знакомый голос звучал уже совсем рядом.

Энлиль приоткрыл тяжёлые веки, и неясные образы, как продолжение сна, заполнили всё вокруг. Над ним парило чьё-то лицо, окутанное золотистым свечением. Оно наверняка всё ещё оставалось из его снов и, пытаясь прогнать наваждение, Энлиль вновь поспешил прикрыть глаза.

– Выкарабкался! Ах, ты, зараза! – этот рёв принадлежал тоже кому-то знакомому, но в нём и близко не угадывалась мелодичность и красота первого голоса, заставившего Энлиля очнуться. Но зато именно он окончательно привёл его в себя.

– Энки, чтоб тебя, зачем так кричать, – простонал Энлиль.

Он вновь открыл глаза, и на этот раз всё вокруг стало на свои места, отгоняя наваждение сна. Энлиль в одночасье вспомнил всё. Он и его отряд выполняли тайное поручение Канцлера в одной из враждующих с их Республикой системе. Им необходимо было освободить пленных дипломатов, и дело шло терпимо, до определённого времени, пока он сам же всё не испортил.

Оставив корабль за несколько миль от тюремного комплекса, Энлиль, возглавив небольшую группу, отправился к цели на двух автолётах. Раса, построившая эту тюрьму, не блистала особым развитием, но не брать её в расчет было бы глупо.

На подготовку у отряда ушло не больше часа. За это время на руках у Энлиля и его первого помощника и лучшего друга Энки появились планы каждого крыла тюремного комплекса. Ещё через полчаса экспертам из его отряда удалось обезвредить охранную систему. Теперь тюрьму защищали только мобильные отряды, пока ещё не знавшие об отказе охранной системы.

Энлиль и его бойцы быстро разыскали требуемые камеры. Оставалось только вывести заключённых и незаметно покинуть планету. И тут в дело вмешались молодецкий задор и доля предпринимательской жадности. Энлиль и Энки уже давно официально не состояли на службе у Республики, и лишь иногда, в обмен на выгодное сотрудничество и покровительство, выполняли тайные поручения одного из четырёх Канцлеров, выступая, по сути, наёмниками, и на хлеб себе зарабатывали подобным нелёгким, не всегда законным ремеслом, не имеющим одного определения или названия. И чаще всего касалось оно поимки опасных преступников. Так что, завидев среди предводителей тюремной охраны одного из разыскиваемых Республикой второсортных негодяев, друзья не пожелали упустить лишний шанс подзаработать.

Но, прежде чем скрутить преступника, оба благоразумно закончили начатое, вывели заключённых и переправили их на корабль. За новой целью отправились только вдвоём, что, по всей видимости, и стало ошибкой. К тому времени охранники тюрьмы заметили пропажу заключённых. Поднялась тревога, территорию всего комплекса наводнили дополнительные отряды. В такой суматохе Энлиль и Энки не то что не нашли свою цель, но не сразу разобрались, как вообще выбраться из тюрьмы. Отступать им пришлось уже отстреливаясь. На подходе к транспорту Энлиль, получив ранение в грудь, потерял сознание. Энки быстро затолкал друга внутрь и приказал улетать на корабль.

Энлиль пришёл в себя через двадцать минут после того, как они покинули планету. Преследования не последовало, что вполне очевидно. Подобными технологиями враждующая страна ещё не обладала.

– Вам придётся пробыть в регенерационной капсуле пару дней, пока повреждённые ткани полностью не восстановятся, – знакомый голос вновь вывел Энлиля из задумчивости. Но на этот раз он уже знал, кому он принадлежит.

– Спасибо, Иннат, – Энлиль поблагодарил лучшего медэксперта в своём отряде, – твой голос спас мне жизнь.

Девушка ничего не ответила, не скрывая своего недовольства. Ей вовсе не нравилось время от времени оказываться в подчинении у этих двоих сорвиголов. Но таков был приказ Канцлера: во всем содействовать и помогать временным командирам. Она выставила все параметры регенерационной капсулы и быстро удалилась, чтобы обследовать освобождённых заключённых, оставив командиров наедине.

После её ухода Энки сразу же умыкнул принесённый Энлилю поднос с едой, от которой тот отказался. Расслабившись, наёмник устало вместил своё огромное тело в неудобное кресло в углу комнаты. Впрочем, ему с его габаритами и внушительным ростом, достигающим практически двух с половиной метров, было трудно угодить во всем, что касалось

удобств. Даже Энлиль, который отличался завидными физическими данными и был явно выше практически всех, кого встречал, иногда ловил себя на мысли, что на фоне друга он смотрится юнцом. Удивительно, но при своих габаритах Энки удавалось ещё и оставаться маневренным, расторопным и скорым на реакцию мысли и тела. Без этих качеств он бы не вернулся живым после первого же сражения.

Из занятого Энки угла начало доноситься упорное чавканье. Энлиль страдальчески возвёл глаза, слабо улыбаясь. Годы шли, а его друг так и оставался тем мальчишкой из детдома, не упускающим возможности перекусить. Когда же Энки переживал любое потрясение, аппетит его возрастал в два раза, и в эти дни его редко можно было встретить с пустующим ртом.

– Не засиживайся, – обратился к нему Энлиль, пряча улыбку. – Иди, проконтролируй Иннат.

Энки громко поперхнулся, закашлявшись. Каждый раз при упоминании имени этой девушки он выдавал себя с головой. Пожалуй, лишь слепому было неизвестно о давней симпатии второго командира к талантливому эксперту и врачу. О чувствах Иннат оставалось только догадываться, ведь дальше симпатии Энки так и не решался пойти.

Энлиль мысленно потешался, представляя себя коварным сводником. Пусть поработают вдвоём, волей-неволей Энки как командиру придётся открыть рот в её присутствии.

Сам он поспешно прикрыл веки, не дав Энки возможности протеста. Тот попереминался с ноги на ногу, но всё же тихо покинул небольшую стационарную палату, не забыв прихватить с собой уже начатый обед.

Но засыпать Энлиль вовсе не собирался. Слишком ощутимым оставался привкус недавнего кошмара, и он совершенно не хотел оказаться в нём вновь. Сколько ещё прошлое будет вторгаться в его жизнь, Энлиль не знал. С трагичного дня, унёсшего жизнь его родителей, прошло уже больше пятисот лет, достаточно, чтобы не думать об этом, но недостаточно, чтобы забыть.

Он потерял обоих родителей в том взрыве и поглощающем всё огне, но отчего-то помнил лишь смерть матери. Образ отца навсегда стёрся из его памяти, и как бы он ни пытался его воскресить, ничего не получалось. В своих снах не помнил он и образ матери, хотя в реальности ему достаточно было взглянуть на старое фото, чтобы её милое лицо вновь обрело черты.

После всего случившегося Энлиль оказался в приюте. Там он и встретил одного из двух своих лучших друзей – Энки. Энлиль всегда помнил первую встречу со своим другом, как и первые годы своей новой жизни, в которой уже не было ничего прежнего после смерти родителей.

Любой детский приют, даже патронируемый сенатом, никого не встречал приветливо, хоть сам комплекс и его персонал соответствовали всем нормам и требованиям, и к ним нельзя было придраться и по малой причине. Но, несмотря на все достоинства лучшего приюта страны, он оставался просто очередным государственным объектом, в котором сиротам вряд ли удавалось найти тепло и уют родного дома. Попадая в подобное место, требовалось время, чтобы стать его частью, время привыкнуть к переменам и принять правду, что ты один, и ты – сирота.

Энлиль часто завидовал детям, осиротевшим в младенчестве. Им не с чем было сравнивать, они были свободны от воспоминаний, угрызений совести, страха и боли утраты. И им не требовалось привыкать к новому миру без семьи, они уже были в нём и росли, принимая действительность как должное. Общие жилые корпуса, общие секции, игрушки, забавы, общие сады, парки, общие няни, учителя, наставники… Всё общее. Но Энлиль помнил, что у него было что-то своё, принадлежавшее до трагедии лишь ему, и расстаться с этим ощущением было непросто.

Оказавшись в приюте, он надолго закрылся от всего. Воспитатели тщетно пытались достучаться до замкнувшегося ребёнка, отказывающегося с ними даже говорить, но игнорировать его поведение не могли. Из поначалу тихого и спокойного ребёнка он постепенно превратился в озлобленного и неконтролируемого подстрекателя. Другие дети откровенно побаивались новенького, бывшего уже тогда на голову выше сверстников. Энлиль же не упускал возможности доказать своё превосходство. В своём корпусе он быстро завоевал уважение таких же сильных и недовольных ребят, и вместе они организовали настоящую банду. Но Энлиль мог похвастаться не только силой. Ему не было равных в проделках и интригах, и именно благодаря его смекалке их банду так и не удалось застукать на «горячем», хоть все воспитатели не сомневались в их причастности.

Но любые из этих проделок не шли ни в какое сравнение с тем, что юные бандиты устроили в своём корпусе. Теперь все жили по их правилам. Конечно, каждый, кто не хотел им следовать, мог пожаловаться воспитателю, но потом ему не стоило бы удивляться всем тем неприятным сюрпризам, которые ему грозили. Постепенно ябед не осталось вовсе, и впредь Энлиль всем заправлял в своём маленьком царстве, где вновь у него могло быть что-то своё: только его уголок в комнате, или его игрушки, только его время для развлечений, или его вид из окна. Это не давало полного ощущения, что он снова дома, но он был рад и таким напоминаниям из прежней жизни. Но как бы Энлиль ни старался их удержать, его злость и горечь только росли. Он не решался признаться себе, что никакие личные вещи не заменят ему погибших родителей, и не подарят утраченного ощущения их любви и уюта навсегда потерянного дома, где проходило его детство. В своём же новом доме он не был один, но был одинок, и не знал, как заполнить образовавшеюся пустоту.

Так продолжалось, пока в не самый прекрасный для него день в его корпус не перевели нового жильца, спокойного и миролюбивого черноволосого ребёнка, внешне ничем не уступающего ростом и силой Энлилю. Дождавшись ухода воспитателей, Энлиль и его банда быстро окружили новенького, объяснив тому, что и как. Но тот, неожиданно для ребят, отказался признавать их порядки. Юные «террористы» не сомневались в своём превосходстве, ведь их было шестеро, и, как у них это водилось, собирались применить проверенный в таких случаях метод – поколотить несговорчивого оппонента.

Но и тут их ожидало разочарование. Никто из драчунов так и не понял, как они в мгновение растянулись на полу. Новичок сделал лишь несколько быстрых движений, и Энлиль, к своему удивлению, впервые оказался в непривычной для себя роли поверженного. Он тут же поднялся и напал вновь, но новенький с таким же проворством отправил его на лопатки. Он явно демонстрировал отличное владение боевыми приёмами. Позорные попытки Энлиля и его помощников повторялись ещё несколько раз, пока до всех присутствующих наконец-то не дошло – в корпусе грядет смена власти.

Впрочем, новенький вёл себя тихо и не претендовал на роль главаря. Многие думали, что он и вовсе немой, или «с приветом». Мальчик ни с кем не разговаривал, сторонился общения, практически всё время где-то бродил. Но после его появления в корпусе всё изменилось. Хоть новичок и оставался отрешённым от всего, банде драчунов не удалось больше сохранять своё первенство: то и дело во многих конфликтах возникал он и просто пресекал их в корне. Остальные дети видели в новеньком защитника и вскоре вовсе перестали слушаться Энлиля, а после этого от него отдалились и его псевдодрузья, и он вновь остался один.

Теперь во всех несчастьях Энлиль обвинял новенького, в лице которого нашёл воплощение любых бед и горестей. Он вновь начал замыкаться в себе, всё больше конфликтовал с окружающими и становился неуправляемым. Воспитатели всерьёз опасались за других детей и даже думали о возможности перевести мальчика в специальный интернат. Такая перспектива возникла перед Энлилем, но сам он, ещё больше озлобившись, только усиливал

её. Всё шло к не лучшей развязке, и, возможно, она бы произошла, не случись простого и, на первый взгляд, ничем не примечательного события.

Проснувшись от привычного кошмара за несколько часов до рассвета, Энлиль не рискнул вновь засыпать, но и оставаться в постели ему не хотелось. Чтобы прогнать недавний страх, он наспех оделся и выскользнул из комнаты. Миновав коридор, лестницу и холл, он незаметно пробрался к заднему выходу, ведущему к террасам и небольшому пруду на территории комплекса. Зима лишь только начинала вступать в свои права, а прохлада и лёгкий мороз уже полностью окутали землю и воздух. Но Энлиль не собирался возвращаться назад за тёплой одеждой. Он никогда не слыл рохлей, и лёгкий мороз только обрадовал ребёнка, ведь он обещал столько всего интересного, что может подарить зима.

Выбежав за террасы, он бегом припустил к пруду, надеясь увидеть ожидаемую картину. Пробравшись к пологому берегу, Энлиль внутренне ликовал: он не был здесь уже практически неделю, и точно знал, что воде пора затянуться льдом. Так и было. Гладкая поверхность водоёма слабо мерцала ровными отблесками льда под лучами звёздного неба. Спустившись к берегу, Энлиль аккуратно ступил на лёд, проверяя тот на прочность, потоптался и даже попрыгал на одном месте, и, удовлетворившись результатом, смело последовал дальше. А через несколько минут от его опасений не осталось и следа. Лёд под его ногами, похоже, даже не замечал неожиданной нагрузки. Энлиль дурачился, как все дети, пускаясь в бег, скользя по гладкой поверхности. Ему всегда нравился этот пруд, и особенно такой, укрытый одеялом льда. Он так ярко напоминал ему небольшое озеро рядом с домом, в котором он когда-то жил. Скользя и падая сейчас на недавно оледеневшую поверхность водоёма, он живо представлял себя в прошлом. В днях, когда он резвился и дурачился, съезжая с ледяной горки у берега озера, в мгновениях, когда впервые надевал коньки, и узнавал, насколько твёрдый лёд, приложившись к тому всем, чем мог, и в воспоминаниях, где после каждого падения чьи-то родные руки помогали ему встать.

Погрузившись в мечты о прошлом, Энлиль поздно заметил, что подбежал слишком близко к противоположному берегу. В этом месте лёд никогда не замерзал сильно из-за втекающего неподалёку ручья, и даже в суровые морозы ходить здесь было небезопасно. Спохватившись, Энлиль попытался остановиться, но по инерции сделал ещё несколько шагов и услышал предательский треск корки льда под ногами. А в следующее мгновение он уже оказался в воде, проваливаясь в мёрзлую темноту пруда.

Паника сильнее ушата ледяной воды окатила мальчишку, и тот первые секунды оставался в оцепенении, не в состоянии пошевелиться. Но на место этому чувству с такой же силой ворвался страх утонуть, вытесняя всё остальное, и Энлиль резко рванулся вверх. Но как бы он ни пытался выбраться на лёд, ему это не удавалось. Тонкая кромка крошилась и врезалась в его ладони, изрезав их в кровь, он практически не чувствовал онемевшего тела и с каждым движением становился медлительнее.

Вспоминая тот случай, ему всегда казалось, что он пробыл в воде целую вечность, но на деле же его попытки выбраться уместились от силы в пять минут. Понимая, что он вот-вот пойдёт ко дну, Энлиль решился звать на помощь. И пускай теперь за подобный поступок его уж точно переведут в другой интернат, на тот момент о последствиях он даже не думал. Но, набрав как можно больше воздуха для крика, мальчик услышал приглушённые, похожие на скрежет звуки, никак не похожие на его голос, охрипший от холода. Вот тут-то Энлилю действительно стало страшно. Он находился в студёной воде, с трудом цепляясь за поверхность кромки льда, и в любой момент мог отключиться, потеряв сознание.

Впрочем, страх недолго переполнял мальчика. Он окоченел настолько, что мысленно даже хотел отключиться. Какая-то навязчивая мысль обещала ему тепло, если он это сделает, и прекратит сопротивляться. Но Энлиль отчаянно хрипел, зовя на помощь, и упорно карабкался на податливый лёд.

Его ресницы полностью покрылись инеем, а зрение притупилось. Он не видел осторожно приближающейся в его направлении фигуры, и неожиданно раздавшийся рядом голос испугал его не хуже всего уже произошедшего. Он даже опять пошёл под воду, но кто-то с силой рванул его обратно. Через несколько секунд Энлиль уже был на льду, а его спаситель продолжал оттаскивать его в безопасное место.

Лишь на другом берегу, остановившись и переведя дыхание, он обернулся к Энлилю, а тот в который раз подумал, что эта ночь полна сюрпризов. Над ним склонялся новичок, и на немого или умалишённого он сейчас точно не походил.

– Так ты притворялся, косил под дурачка? – прохрипел Энлиль, не придумав ничего более подходящего.

– Нет, – спокойно ответил новенький, помогая Энлилю встать. – Просто не хотел говорить.

Энлиль не стал больше расспрашивать, тем более что его спасителю было точно не до расспросов. Мальчишка буквально тащил онемевшего соседа по корпусу, словно куль. Пробравшись незаметно обратно в комнату, он помог Энлилю переодеться и, не сказав ни слова, вернулся в постель.

На следующий день Энлиль ожидал вызова к директору, но его не последовало, ни тогда, ни после. И лишь потом он понял, что его спаситель поступил так, как он не ожидал, не сдав того, кого по праву мог считать недругом.

После случившегося на пруду прошла неделя, а Энлиль не решался подойти к новенькому. Он всё ждал, когда же тот использует против него свою тайну и настучит воспитателям. В таком настроении закончилась и вторая неделя, и за это время Энлиль начал злиться уже не на новенького, а на себя. В конце концов, собравшись с духом, он заговорил с соседом. Он не рассыпался в благодарностях, а лишь хотел понять, почему тот не донёс, ведь прежние его друзья не гнушались подобных поступков.

– Значит, это были не друзья, – всё так же мирно ответил мальчишка, открыто и без агрессии смотря на Энлиля, а тот вдруг расхотел отвечать грубо, и вместо готовой слететь с языка колючей реплики, неожиданно спросил:

– А ты мог бы быть мне настоящим другом?

Спросил, и тут же пожалел, заметив растерянность мальчишки. Внутренне Энлиль сжался от ожидаемого отрицательного ответа. Он вдруг отчётливо увидел себя со стороны: злобного, подлого, хитрого мальчишку, каким он стал. С такими не дружат.

– Если ты не будешь смеяться над моим именем, – тем временем ответил новенький.

Энлиль не сразу понял смысл фразы. До него лишь через несколько секунд дошло, что его предложение принято. И, не веря услышанному, он поспешно согласился, лишь потом смекнув, что не знает, как зовут его нового друга.

– Эн-нуннаки, – ответил ему он, не удержавшись от улыбки. – Это в честь дальнего предка, полководца, – пояснил он. – В моей семье многие военные, и родители тоже.

Мальчик запнулся и нервно добавил:

– Были военными.

Энлиль удивлённо посмотрел на поникшего перед ним мальчишку и неожиданно впервые со дня трагедии осознал, что не только у него был повод для несчастья, но и у каждого ребёнка в этих стенах. Многие здесь, в том числе и его новый друг, как и он, остались сиротами, потеряв родителей в последних конфликтах между республиканцами и потомками поверженного режима, и общее горе, крепче любого родства, в этот миг, ещё без ведома его участников, навсегда объединило двух мальчишек.

– Может, сократить твоё имя? – неожиданно спросил Энлиль. – Эн, Эн-наки, Энки…

– Энки! – прервал его друг. – Мне нравится последнее.

– Значит, Энки! – повторил Энлиль, наконец-то улыбаясь искренне.

Так началась дружба Энлиля с тем, кто не дал ему превратиться в полное ничтожество ещё в детстве. И на одном приюте эта дружба не закончилась. В дальнейшем их жизни всегда соприкасались, какими бы дорогами они ни шли.

Ещё до того, как стать наёмниками и охотниками за преступниками, оба честно пытались сделать военные карьеры. Но узкие рамки устава ненадолго смогли удержать рвущийся пыл свободолюбивых парней, и, с трудом дослужившись до руководящего состава, они подали в отставку, доведя предварительно до белого каления своего командира.

На этом закончилась их и без того непродолжительная служба в рядах мобильной военно-космической армии. Но не только строгий устав или непоколебимый командир вынудили обоих оборвать карьеры. Ни Энлиль, ни Энки не винили в своём решении никого, кроме себя. Половину прожитой жизни они делали то, что уготовила для них Республика, заботливо ведя двоих сирот и определяя их будущее. Но, отдав положенный долг за своё воспитание, оба посчитали, что уплатили сполна, и впредь не пожелали заниматься тем, что никогда их, по сути, не привлекало.

Примерно тогда у них и родилась идея зарабатывать себе на жизнь ремеслом наёмника. Впрочем, на практике энтузиазм далеко не сразу принёс положительные плоды, заставив обоих пройти через множество опасных испытаний. Но оно того стоило: результатом всего стал отличный сработавшийся отряд профессионалов, высокая эффективность работы и покровительство одного из четырёх Канцлеров Республики, нередко спасавшее их от расправы бесконечного числа недругов, которых они нажили.

Хитрый старый Канцлер Эрид практически всегда присутствовал в жизни Энлиля. Будучи сводным братом его матери, он не связывал себя с племянником кровным родством, но от мальчика не отказался. Канцлер намеревался взять Энлиля к себе после смерти его родителей, но тот пожелал остаться с Энки в приюте. Впрочем, это не помешало Канцлеру ненавязчиво влиять на племянника, к которому, не имея своей семьи, он сильно привязался. Сам Энлиль пожелал сохранить родство с влиятельным деятелем Республики в секрете, справедливо полагая, что так ему будет спокойнее находиться в приюте. А позже, когда парень начинал строить военную карьеру, смысла открывать данный факт уже не было.

Без особых надежд Канцлер надеялся заинтересовать племянника политикой, возможно, сделать его своим помощником в дальнейшем, или даже преемником, но мальчика тянули приключения, и чем взрослее он становился, тем опаснее были передряги, в которых он неизменно оказывался вместе со своими друзьями.

Потеряв всякую надежду, Канцлер всё же нашёл способ держать племянника под относительным контролем. Именно он поспособствовал созданию отряда наёмников, который сейчас возглавлял Энлиль, не упустив при этом и своей выгоды. Будучи опытным дипломатом, Канцлер прекрасно понимал, что в некоторых ситуациях одной дипломатии уже недостаточно, и тогда не лишним было бы иметь доверенное лицо, способное разрешить проблему. Эрид часто прикрывал деятельность отряда своего племянника, но взамен требовал выполнения различных поручений, примерно таких же, как и последнее.

В остальном же он практически не вмешивался в жизнь наёмников, лишь регулярно поставляя им новые задания, да закрывая глаза на мелкую контрабанду и постоянный игнор законов последними.

…Энлиль улыбнулся своим мыслям о скрытном и дальновидном родственнике. Не всё складывалось гладко в их отношениях, но Канцлер нравился ему всегда, не только потому, что был его дядей. Энлилю импонировало его желание идти против правил, хоть сам Эрид никогда в этом бы не признался.

Наверняка Канцлер ждал его звонка, чтобы узнать результаты. Энлиль собирался связаться с дядей, но тот, словно прочитав его мысли, позвонил первым.

Энлиль, после короткого приветствия, быстро приступил к докладу об очередном успехе отряда, умолчав при этом о своём ранении. Хотя, вряд ли Иннат утаит его в заключительном отчёте. Впрочем, ему всё равно пока не хотелось выслушивать замечания старика. Тот наверняка не удержится от поучений.

Закончив доклад, он ждал комментариев, но на другом конце повисла тишина. Лишь через несколько секунд Канцлер неуверенно нарушил молчание.

– Энлиль, я только что получил сводки за день от патрулей материка. Твой бывший сослуживец, телохранитель Видар…

Энлиль сразу уловил напряжение в дядином голосе, и связано оно было с его вторым лучшим другом. В отличие от Энки и Энлиля, Видар не рос сиротой, хоть и воспитывался только отцом, дожившим до белых седин. Дружить они начали, оказавшись на одном курсе первичной подготовки будущего командного состава. Несмотря на то, что разница в возрасте между ними составляла не более ста лет, Энки и Энлиль взяли шефство над парнем, относясь к нему скорее как к младшему брату. Впрочем, сам Видар был только рад, а его друзья, прошедшие все горести детских домов и интернатов, на самом деле выглядели старше на одну жизнь, видели и прочувствовали больше любого из всех, кого он знал.

Троица быстро сдружилась и прониклась общими идеями и взглядами. Энлиль и Энки заразили парня долей своей бесшабашности и военной удачи, а тот, не без гордости, сумел привить им, пусть и в малой степени, понятие ответственности, долга и тягу к познаниям. И, хоть виделись они теперь гораздо реже, на их дружбе это никак не сказалось.

Как Энлиль и Энки, Видар также подал в отставку, завершив службу в военно-космическом флоте. Но в его случае это был шаг к новым перспективам. Почти десять лет назад парня приняли на более престижную должность в ряды рекрутов-телохранителей при Аккадской Сеннаарской сокровищнице знаний, которой он добивался вот уже полвека. Видара всегда привлекали тайны и секреты, и находиться в месте, где их концентрация зашкаливала до предела, было сродни осуществлению детской мечты.

Но и на этом не закончился его подъём. Проявив себя в лучшем свете, за минувшие годы он сумел подняться вверх. Все чаще Видара допускали к работе при самих Хранителях и их первых учениках. Он прошёл строгий отбор и попал в основной состав небольшого особого отряда. Телохранителей возглавлял сам первый командир Хоннор Хор, в прошлом адмирал третьей военно-космической флотилии, прославленный военачальник, принёсший немало побед, главной из которых была победа над агрессорами с дальних систем, пытающимися захватить колонии Республики на пограничных рубежах.

И, несмотря на то, что Энлиль и Энки по старым причинам оправданно имели право недолюбливать адмирала, это не уменьшало его талантов и заслуг. Впрочем, у двух наёмников хранились свои счёты к военачальнику. И именно он оказался одной из причин, из-за которых парни решили бросить службу. Бывший адмирал Хоннор некогда главенствовал в комиссии по отбору экипажей для военно-исследовательских экспедиций, и он же забраковал кандидатуры двух молодых командиров, мечтающих вырваться за пределы Республики. Энлиль и Энки, получив отказ, были вынуждены продолжить службу во внутренних военно-космических флотилиях. Такая жизнь вселяла им скуку, и день их состоял из сплошных протоколов и составления отчётов о малоинтересных событиях. А где-то там, за пределами рамок их службы улетали экспедиции к неисследованным галактикам, таившим в себе массу приключений и загадок, к которым они так стремились.

Завершив военные карьеры, оба долгое время не знали, кто именно посчитал их неподходящим материалом: «некомпетентными», «несдержанными», «эгоцентричными» и «заносчивыми», но истину узнали лишь через несколько столетий, давно вжившись в шкуру наёмников.

Как-то раз, вновь оттачивая таланты воровского дела на ни о чём не подозревающем Канцлере, Энлиль и Энки пробрались в его святая святых – личные покои в сенате – и сделали копии всех найденных ими ключей-доступов. Трофей был не ахти какой. Всё-таки Эрид не стал бы хранить важные доступы у себя в кабинете, но и то, что им удалось добыть, могло приоткрыть много государственных тайн, в том числе и прочесть полные версии их характеристик, где и всплыло имя уже бывшего на тот момент адмирала.

Не то чтобы Энлиль и Энки, узнав правду, возненавидели его за выданную им некогда нелестную характеристику. Их новая жизнь нравилась друзьям куда больше оставленной службы, но оба не могли не думать о том, как бы она могла сложиться, получи они возможность возглавлять экспедиции. И хоть каждый из друзей в глубине души знал, что опытный и честный военачальник был частично прав, одаривая их теми эпитетами, в разговоре между собой подобного они бы не признали никогда, и продолжали поносить бывшего адмирала скорее по привычке, не тая злобы.

Долгое время о Хонноре наёмники не вспоминали вовсе, пока их друг не оказался в его отряде телохранителей. Они подкалывали Видара и пугали его приукрашенными историями о строгости и чудачествах его нового командира, а тот, практически всегда не умея отличить их правду от лжи, бледнел при каждой встрече с бывшим адмиралом. Но это не мешало признать и того, что лучшего командира для своего друга можно было и не желать. Так что, за Видара друзья могли теперь не волноваться. Но тревожный голос Канцлера предвещал обратное.

– Что он натворил? – стараясь не выдать волнения, спросил Энлиль.

Канцлер замялся.

– Мне не известны подробности, – заговорил он вновь. – Но твой друг был доставлен сегодня одним из патрулей в больницу сената. Сейчас парень в коме, сильно повреждён мозг.

Немного помолчав и не получив ответа, Канцлер вновь обратился к племяннику.

– Мне жаль, Энлиль, шансов уже нет, – продолжил он. – Думаю, вам стоит съездить к нему. Я выдам тебе и Энки пропуск высшего уровня. Можете остановиться в своём старом убежище. Сразу после больницы я жду вас у себя. Есть задание.

Услышав невнятный ответ племянника, Канцлер прервал связь.

Энлиль погрузился в оцепенение. Знакомая, сдавливающая боль в груди, мучавшая его во сне, накатила с новой силой. Он не совсем разобрал всё сказанное Канцлером, но вывод из его слов прозвучал вполне различимый: далеко отсюда, в одной из палат главной больницы сената четырёх Канцлеров умирал его лучший друг, и ему нельзя было помочь.

Энлиль машинально вызвал Энки. Тот явился с лёгким смущением на лице, которое всегда появлялось у него в обществе Иннат. Но, увидев побелевшие скулы первого командира, Энки сразу понял – что-то случилось.

– Как скоро на максимальном ускорении мы будем в столице? – механическим голосом спросил Энлиль.

– Думаю, меньше суток. Что случилось, ты бледен как полотно?

– Прикажи штурману скорректировать маршрут, пусть выжимает максимум. Мы должны успеть…

– Куда успеть? Что ты несёшь?

Энки с недоверием наблюдал за командиром, разум которого, по всей видимости, помутился от препаратов. Но, наткнувшись на его взгляд, он увидел в нём осознанность. А следующие его слова сделали с Энки то же самое, что и с его командиром, заставив чувствовать предательскую слабость в ногах.

– Видар умирает, – тихо обронил Энлиль. – И мы должны успеть.

Глава 3

Канцлер устало наблюдал за восходом солнца, постепенно разгоняющего сумерки. Если бы эти лучи могли так же разогнать мрак и в его сердце… Во что он только что впутал своего племянника? Но обратной дороги уже не было…

Яркие лучи восходящего красного светила проникали в живописный пейзаж мегаполиса материка, и Эрид не без гордости любовался красотой величественной архитектуры, идеи которой уходили далеко в прошлое культуры его народа, затрагивая мотивы первой и второй цивилизаций.

Столица великой Республики, занимающая территорию четырёх материков планеты, утопала в зелени и пестрила разными оттенками удивительного мрамора, которым на протяжении тысячелетий облицовывали практически все постройки. Необычный камень с годами только закалялся, не поддаваясь коррозиям, но не это его свойство вдохновляло архитекторов многих эпох. Украшенные им фасады зданий постепенно приобретали всевозможные оттенки, от глубокого пурпурного до едва уловимого терракотового, от блёклого лазурного до нежного пастельного. Но стоило им окунуться в лучи закатного солнца или встретить рассвет, как все цвета сливались в один и начинали гореть оттенками драгоценного металла.

Такое завораживающе чудо длилось не больше двадцати минут, и было особенно выразительно в рассветный час. Мегаполис постепенно погружался в расплавленное золото, и это зрелище стоило нескольких не потраченных на сон часов.

Канцлер всегда любил встречать рассвет, проводить черту нового дня, отпускать прежний, вникать в предстоящие заботы и планы. Но сейчас ему было трудно сконцентрироваться на чём-то одном. Слишком многое в последнее время требовало его неотложного вмешательства. К тому же мысли Канцлера то и дело возвращались к племяннику и его другу, раненому телохранителю.

Отложив прибор связи, он не переставал думать об Энлиле. Не каждый день тебе сообщают, что ты теряешь того, кто тебе дорог. Но Канцлер знал, что парень выстоит. Да и не мог он дать ему время на горестные раздумья.

Сейчас ему требовалась помощь Энлиля.

Стараясь отвлечься от тягостных мыслей о племяннике, Канцлер, против своей воли, всё больше погружался в другие, не менее тревожные думы, не замечая уже охватывающего его озноба. Один и тот же вопрос то и дело напоминал о себе, и старый опытный политик не мог от него отделаться.

– Почему мой народ столь беспечен? – спрашивал себя Эрид.

Нет, он не приуменьшал достижений своего народа и ни в этом видел его недостатки. Илимы всегда стремились к просвещению и тысячи раз переступали уже устоявшиеся рамки, продвигаясь в изучении мироздания и его тайн. Канцлеру было с чем сравнить. В их галактике обитало более трёхсот разумных развитых видов, из них половина не догадывалась о существовании жизни за пределами их планеты, а остальная половина едва переступила порог понимания простейших законов мироздания. Всего десять видов смогли достигнуть достаточно высокого уровня развития, и только четырём из них, в особенности народу самого Канцлера, удалось подняться пока что на самую высокую ступень этой лестницы. То, что было доступно пониманию илимов, ещё не скоро сумеют осознать все остальные.

Но Канцлер не мог принять другое: почему, стремясь к просвещению, их натуры с аналогичной силой стремились и к саморазрушению. Постоянное развитие умственных способностей, прогресс, познание каждого из измерений и заключённых в них уровней реальности, казалось бы, должны были вести общество к морали. В большинстве своём так и было, но в любой цивилизации находился повод для конфликта. Никакие уроки прошлого

не научили илимов простым истинам: что есть благо? Как и раньше, раса илимов развивалась по спирали, повторяя ошибки предшественников, вот только с годами новые войны становились куда кровопролитнее, разрушения необратимыми и опустошающими, а умыслы более коварными и скрытными. И чем больше его народ получал знаний, тем ужаснее становились последствия.

Ныне властвовало время четвёртой по счету илимской цивилизации, сменившее расцветы и падения предыдущих трёх. Всего же народ илимов существовал уже более десяти миллионов лет. Но возраст, в этом случае, ещё не говорил о присущей годам мудрости. Каждый раз, будучи на пике расцвета, очередная цивилизация илимов становилась причиной своего же краха, после которого лишь чудом сохраняла своё существование.

История первой цивилизации представляла собой классический вариант эволюции простейших видов в общество. Такие процессы илимы видели десятки раз, изучая развитие обитателей других планет. И сейчас ещё многие учёные посвящали свои карьеры исследованиям разных ступеней эволюции, в то время как их подопытные даже не догадывались о сторонних наблюдателях в своих жизнях.

Примерно десять миллионов лет назад илимы сделали шаг из первобытного общества. Сколько подвидов навсегда осталось на обочине того периода, теперь было уже трудно судить, но первую свою цивилизацию строили шесть рас. Достигнув определённого развития в техническом плане, расы развязали между собой войны, пиком которых стало уничтожение привычного для них уклада жизни и потери более половины всего населения планеты.

Но эти разрушения были ничем по сравнению с концом второй цивилизации, достигшей куда более высокого уровня, чем предшественники. Результатом бесконечных конфликтов стала опустошающая ядерная война, приведшая к необратимому глобальному похолоданию, заставившему крохотные остатки илимов более пяти миллионов лет буквально выживать и бороться за существование. Им приходилось ютиться на обжитых колониях за пределами родной планеты, ожидая того времени, когда их дом вновь станет пригодным для жизни. В результате вынужденного соседства всех рас под одной крышей, расовые отличия постепенно сгладились, и в свою третью цивилизацию илимы вступили уже как единый народ. Стоит ли говорить, что пережитое их предками должно было научить глупцов? Урок и впрямь оказался болезненным, но усвоили его не все.

Третья цивилизация илимов достигла феноменального развития, она привела их в космос, как в свой второй дом, открыла им многие тайны основ мироздания, впервые позволила понять, каково их место среди бесконечного числа всевозможных реальностей, бесконечного потока миров. Знания, открывшиеся им, стали фундаментом новой могущественной Империи, равной которой не было в их галактике.

Сеннаарская Империя просуществовала больше двух миллионов лет, и далеко не всегда выступала оплотом жестокости и тирании. Некогда она заслуживала приписываемое ей величие, а её правители были достойными проводниками своей нации, и лишь последние двести тысяч лет Империя всё больше сбивалась с пути, пока её же народ не положил этому конец.

Но было в третьей цивилизации ещё одно событие, способное перечеркнуть всё то зло, которое она породила. Примерно шестьсот тысяч лет назад началась летопись одного из самых влиятельных и независимых сообществ в истории расы – Сеннаарской сокровищницы, хранящей за своими стенами сакральные знания, созидательная и разрушительная сила которых не имела границ. Первая сокровищница была построена на планете-столице Аккаде. Позже схожие комплексы начали появляться и в ближайших к Аккаду системах. Сейчас их уже насчитывалось более пятидесяти, по нескольку комплексов в каждой системе Республики. Но главной – путеводной, неизменной основой всех основ, как и шестьсот тысяч лет назад, оставалась Аккадская сокровищница.

Процветала она и по сей день, а её история пестрила домыслами, легендами и загадками, среди которых не каждый мог рассмотреть правду. Когда-то её первые Хранители, если верить этим легендам, построили свой храм-хранилище, вытесав его внутри скалы. Это сейчас вокруг видимых и невидимых стен сокровищницы гудел улей огромного, занимающего практически треть площади материка мегаполиса. Но тогда данная местность представлялась малопригодной для жизни, слишком скалистой, невзрачной и труднопроходимой. Хранители же посчитали её идеальной для своего нового общего дома.

Теперь же возле скалистых утёсов сохранившегося древнего храма, напоминающего о том, что и в легендах может быть доля правды, раскинулся огромный комплекс современной сокровищницы со всеми её тридцатью Хранилищами, монументальными постройками, садами и множеством школ. Именно благодаря этим школам и их ученикам, сакральные знания, пусть далеко и не все, проникали за пределы комплекса. Каждые пятьсот лет школы каждой сокровищницы выпускали новое поколение учёных, политиков, мыслителей, одним словом – гениев, благодаря которым раса илимов постепенно смогла подняться на одну из самых высоких ступеней развития в своей галактике.

Впрочем, и в этом некоторые Императоры находили повод для недовольства. Они не хотели довольствоваться теми крохами знаний, которые Хранители постепенно отдавали своим ученикам, и мечтали в одночасье заполучить все скрытые за её стенами секреты и возможности. Хранители же, предвидя подобное, давно позаботились о безопасности комплексов, защитив сокровищницы не только преданными воинами-телохранителями, но и технологиями, способными повергнуть в шок любого учёного. Каждый из существующих ныне комплексов представлял собой идеальную крепость далёкого будущего, но лучше всего охранялась главная – Аккадская сокровищница.

Подступиться к самому масштабному, разросшемуся комплексу нельзя было не только из-за величественных стен, опоясывающих его по периметру, или высоких древних гор, закрывающих северную часть сокровищницы. Эти преграды давно не остановили бы ни одну современную армию и служили уже скорее красивой декорацией, нежели существенной защитой. Реальная же преграда оставалась невидимой для глаз – сокровищницу окутывала тонкая, но непроницаемая сфера, пробить брешь в которой было не под силу передовым орудиям. Такие же барьеры преграждали путь и в остальные комплексы.

Так что многим правителям с трудом приходилось мириться с соседством никому неподвластных Хранителей и их первых учеников, чьи способности лишь малым уступали способностям наставников.

В расцвет тирании некоторые Императоры, не сумев подчинить себе Хранителей, даже пытались уничтожить Аккадскую сокровищницу и все спрятанные в ней знания, но подобные попытки не увенчались успехом. Сами же Хранители всегда держали нейтралитет. Их цель состояла в ином: в просвещении, и его нельзя было достигнуть за короткий срок, как нельзя перевоспитать за один день и аморальное общество. Хранители верили, что лишь со временем и с их помощью раса сможет понять все уроки прошлого. Они действовали редко, завуалированно, и только последний Император заставил Хранителей выступить открыто.

Не найдя способа уничтожить защищённый неизвестными технологиями комплекс главной сокровищницы, а вместе с ним и всех его обитателей, тиран был готов пойти на самые жесткие меры – практически разрушить материк. Этого Хранители допустить не могли.

В короткие сроки с их помощью армия повстанцев добилась ощутимого перевеса и вскоре полностью освободила все планеты и спутники Империи. Сам тиран погиб в последних стычках, так и не представ перед правосудием. Сдавшиеся после поражения войска и практически вся верхушка знати, не пожелавшие признать Республику, оказались

выселены на отдалённые планеты. Почти тысячелетнее восстание закончилось меньше чем за год.

Такова была сила, скрывавшаяся за стенами великих сокровищниц, и лучшего примера, на что способны их Хранители, нельзя было и привести.

Падение Сеннаарской Империи стало началом четвёртой цивилизации, которая пока существовала чуть больше трёх тысячелетий. Трудно было ещё судить об этом времени, и его потенциале. Свержение тирании предвещало начало мирной эпохи, но пока что подобным настроем проникались, пожалуй, только философы.

Прагматичным же политикам, в том числе и Канцлеру Эриду, приходилось спускаться с небес на землю в привычную, обманчивую и порой далеко не радостную действительность. И в ней всегда оставалось место интригам, тайнам, недовольным, страждущим и врагам, число которых у Республики росло и за её пределами.

Было в ней место и опасениям за будущее. Знания всегда скрывали в себе не только свет истины, но и ужасную, невероятно разрушительную силу, если оказывались не в тех руках. Но именно благодаря контролю над знаниями со стороны Сеннаарского братства закат третьей цивилизации не превзошёл падение предыдущих двух и не привёл расу к новым катастрофам, напротив, позволив сохранить территории былой Империи и её народ.

Раса боготворила за это своих Хранителей, и лишь с одним не могли примириться правители прошлого и настоящего. Как и Императоров, так и Верховных Правителей и Канцлеров не покидало желание завладеть спрятанными от любых посторонних глаз знаниями. Многое они отдали бы за визит в любое из тридцати Хранилищ Аккадского комплекса. И, с провозглашением Республики, новый режим не без оснований теперь надеялся на доступ в главную сокровищницу. Но её Хранители, к превеликому разочарованию правителей, не спешили раскрыть секреты известных только им технологий. Так что Канцлерам и Верховным Правителям было известно не намного больше, чем их предшественникам.

Сами Хранители всегда одинаково объясняли своё решение: раса илимов, по их словам, не была пока готова к подобному. И их не заботило, что многие известные им технологии, к примеру, невидимый барьер, защищающий сокровищницу, или знания, позволяющие развивать силу разума, обеспечили бы Республике безоговорочное лидерство во всей галактике и даже за её пределами.

Республика научилась жить в тандеме с закрытым братством Сеннаарской сокровищницы, но не научилась пока прощать ему свою закрытость. Впрочем, уступки Хранители всё же сделали, посвятив в некоторые свои тайны Верховных Правителей, Канцлеров и других достойных избранных. Теперь им было известно об истинной силе сокровищницы и источнике знаний, но для всех остальных подобное оставалось в секрете.

…Канцлер потёр усталые веки, вновь переключаясь мыслями на Энлиля.

«Не из-за этого ли секрета теперь умирает друг моего племянника, тот молодой телохранитель? – размышлял он про себя. – Не из-за него ли было убито столько невинных за последнее время? И не этот ли секрет, в конце концов, станет новой причиной для гибели моего народа?.. Да, мы беспечны, – продолжал свой мысленный монолог Канцлер. – И мы слепы, раз позволили подобному произойти».

Эрид осознавал свою беспомощность в сложившейся ситуации. Ни его влиятельный титул, ни любые связи никак не могли ему помочь. И теперь, находясь практически в безвыходном положении, ему приходилось рисковать тем, кто был для него действительно дорог, подвергая единственного племянника угрозе и даже смертельной опасности, втягивая парня в историю, от которой он так долго пытался его оградить.

Взваливать на Энлиля новое задание именно в такой момент, когда его друг вот-вот умрёт, показалось бы непростительным поступком, впрочем, Канцлер был уверен, что парень сам ухватится за его предложение. В противном случае Эрид просто не знал, к кому

ему ещё обратиться. Доверять старый политик мог только своему недисциплинированному, всегда своенравному и непредсказуемому племяннику.

Не лучший выбор. Это он понимал и сам. Но, возможно, в текущих обстоятельствах он окажется единственно верным.

…

Главная больница материка находилась всего в нескольких минутах езды от сената Четырёх Канцлеров. Вернувшись на планету, Энлиль и Энки быстро добрались к цели, где их уже ждал провожатый. Вместе они направились к отделению реанимации, с каждым шагом всё больше переходя на бег и не замечая ничего вокруг. Уже у входа в отделение их ждал дежуривший ночью пожилой врач. Коротко кивнув, он попытался придержать Энлиля за локоть.

– Командир Энлиль, надежды нет, – спокойным голосом констатировал врач, говоривший такие слова уже сотни раз. – Его мозг сильно повреждён, он уже даже не очнётся.

Энлиль резко выдернул руку и, чеканя слова, военным тоном приказал врачу ждать его у палаты пострадавшего. Перед глазами у него всё поплыло. Его другу выносили приговор, словно его уже не было среди живых. Наскоро отвязавшись от сопровождения, оба поспешили в палату, плотно прикрыв за собой дверь.

В просторном слабоосвещённом помещении находилась всего одна кровать, если её можно было так назвать. Большая реанимационная капсула, практически такая же, как та, в которой недавно побывал и сам Энлиль, и идущие от неё приборы занимали треть палаты. И где-то там под стеклом виднелся силуэт их друга. Энлиль и Энки какое-то время, не сговариваясь, не решались сделать шаг к капсуле, а подойдя, долго стояли молча. Из-под стекла на них невидящими застывшими глазами смотрел незнакомец. Там, где его тело не скрывали реанимационные приборы, виднелась посеревшая кожа, щеки сильно запали, скулы буквально выпирали, обрисовывая черты черепа. Практически вся голова того, в ком сейчас так трудно было узнать Видара, находилась под реанимационным шлемом, искусственно поддерживающим работу мозга.

– Глаза открыты. Наверное, повреждены нервы, – выдавил из себя Энки. – Не забудь сказать тому врачу, чтоб занялся его глазами. Он может так ослепнуть.

Энлиль не стал отвечать. Он всё понимал и без слов. Энки в упор отказывался принимать очевидное. Их друг умирал, и лечение зрения в то время, когда отказал мозг, уже ничего не исправит. Если бы повреждения были не столь обширны, ему можно было бы помочь. Регенерация тел у илимов практически идеальная, ведущая к постоянному обновлению, но в случае с Видаром регенерационный барьер был разрушен, и организм уже не мог восстановить себя сам, как не помогли бы и любые операции.

Подойдя к Энки, он мягко, но настойчиво отвёл его от капсулы, увлекая к выходу. У палаты их дожидался с явно оскорблённым видом дежурный врач. Энлиль почувствовал укол совести по отношению к опытному, старше, чем он как минимум вчетверо, специалисту, которого недавно отчитал как мальчишку. Он твёрдо, но коротко извинился за грубость.

– Пойдёмте в кабинет, – доктор слегка расслабился и миролюбиво принял извинения. – Я не хотел, чтобы у вас появились надежды. Они бы не оправдались.

Кабинет дежурного врача оказался помещением, переходящим из рук в руки при каждой смене, оттого у него не было никаких личностных черт, присущих постоянным личным рабочим уголкам. Простой безликий белый кабинет, в меру удобный, в меру просторный, стерильно чистый и навевающий уныние. Энлилю и Энки были предложены простые белые кресла, такое же было и по ту сторону стола, где сейчас, суетливо перебирая папки на сенсорной трёхмерной панели, восседал сам доктор.

– Итак, – деловым тоном начал он, – пострадавший был доставлен к нам двадцать три часа назад с необратимыми повреждениями мозга и всей нервной системы. Его привёз патруль, который обнаружил раненого на границе западного паркового комплекса. Что он там делал, неизвестно. По форме и документам была установлена его личность и место работы. Службу охраны Аккадской сокровищницы мы уже оповестили, но ответа пока не было. В результате повреждений был разрушен регенерационный барьер, регенерация искусственным способом также невозможна. Генетический код повреждён, это лишает и возможности идентичного клонирования, что по законам Республики осуществить не удастся. Когда наступит физическая смерть – точно неизвестно, но больше суток он не протянет.

Энлиль внимательно слушал отчёт врача, Энки же, как он отметил, все ещё был погружён в себя.

– Пострадавший был весь в крови, – продолжал доктор, – кровь, как установил анализ, его, но интересно то, как и почему она на нём оказалась в таком количестве. Это необычный случай, с таким я ещё не сталкивался.

Доктор не переставал суетливо искать материал медицинского заключения, с трудом ориентируясь в новых сенсорных трёхмерных устройствах, недавно введённых во всех государственных учреждениях. Виртуальные файлы и папки всё время выпадали из его рук. Наконец-то нужный файл был найден.

– Что в нём не так? – тихо спросил Энки.

Горечь сквозила в голосе первого заместителя командира наёмников. Тот же через силу заставлял себя вникать в текущий разговор.

– Что не так, доктор? – уже увереннее повторил Энки, впервые после выхода из палаты поднимая глаза.

Энлиль с сочувствием взглянул на друга, застывшего в напряжении с обманчиво отчуждённым непроницаемым лицом. Энки будет нелегко принять смерть Видара. У самого Энлиля, хоть он и был сиротой, всегда оставался дядя, заменяющий всю семью. У Энки же не было никого, кроме друзей.

– Кровь, – повторил доктор. – Её слишком много. Мозг повреждён настолько, что уже не подлежит восстановлению и регенерации. Но важно то, как его повредили.

Доктор перелистывал страницы своего отчёта, просматривая последние заметки.

– Как я уже говорил, – продолжил он. – У пострадавшего необратимые повреждения, однако мы не нашли следов прямого воздействия, которое привело к этим повреждениям.

Доктор изъял фотографии Видара из виртуальной папки, сделанные после его поступления в реанимацию. На них в разных ракурсах была запечатлена уже обритая голова телохранителя и оголённые участки тела.

– Видите? Никаких повреждений, даже следов от удара нет, – доктор протянул им фото. – Нигде ни царапины. Но факт воздействия налицо.

Энлиль и Энки старались смотреть на изображённого на фото пострадавшего так, словно он не имел отношения к их другу, пока что получалось это не очень, и оба напряжённо ёрзали в креслах, пытаясь переключить мысли в нужное русло. Просмотрев все снимки, они согласились с заключениями доктора, и принялись за чтение его отчёта.

Буквально на первой же странице оба резко оторвались от документа и уставились друг на друга. Им не нужно было произносить это вслух. Они думали об одном и том же.

– Почему вы указали в причине смерти такой смешной диагноз? – изменившимся, но все ещё спокойным голосом спросил Энлиль. – Это, по-вашему, повредило его мозг?

Командир отряда сверлил взглядом засуетившегося старого доктора, перекладывающего папки с места на место и не осмеливающегося посмотреть ему в глаза. Энлиль ждал. Доктор продолжал суетиться. Наконец-то он собрался с духом и посмотрел в сторону командира.

– Ну а что я должен был там указать? – оправдательным тоном начал доктор. – Раненого никто не бил, не воздействовал иным оружием, нет внешних повреждений, которые бы на это указывали, ни один анализ ничего не обнаружил. А те повреждения, что есть, внутренние, напротив, говорят об излиянии крови в мозг, пусть и в необычной форме.

– То есть, по-вашему, молодой военный элитного подразделения, проходивший каждый день проверку здоровья, просто повалился от так неожиданно нагрянувшего обширного инсульта или чего там ещё, встретившего его примерно за десять тысяч километров от места службы, и всё это без постороннего вмешательства? – Энлиль немного повысил напор в голосе. – Что тогда стало причиной повреждения мозга? – повторил он свой вопрос. – Меня не интересует ваш отчёт, вы же сами понимаете, насколько обычное кровоизлияние в мозг отличается от этого случая, и насколько мала вероятность того, чтобы это произошло именно с ним и именно при таких обстоятельствах.

Энлиль немного помолчал, успокаивая рвущийся изнутри накал, под которым врач ещё больше прежнего увлёкся ненужными перекладываниями вещей на столе.

– Мы хотим знать ваше мнение, даже если оно кажется вам смешным, – закончил за друга Энки.

Оба они настойчиво уставились на доктора.

– Моё мнение? – переспросил доктор. – Нет, оно не кажется мне смешным, оно скорее пугает меня. Я не видел подобного при других инсультах такого типа. Да, ваш друг очень молод и силён для подобного и, в целом, смерть по естественным причинам для нашей расы уже давно большая редкость. Обычно мы умираем от старости, живём тысячелетиями и редко болеем. Но исключать такую причину полностью нельзя, разве только в случае с вашим другом.

Доктор перевел дыхание и продолжил:

– Я не знаю, что повредило его мозг, я лишь могу сказать, что это что-то или нечто сделало всё изнутри. Словно чья-то воля управляла им в этот момент. Его кровь буквально вскипела, а ужасное давление вытолкнуло её наружу из глаз, ушей, носа. Когда его привезли, он весь был в своей крови. Мы поначалу даже подумали, что он изранен, но ран, как вы знаете, нет, и не было.

Энлиль и Энки обменялись взглядами, и резко поднялись на ноги. Они узнали всё, что им требовалось, даже больше того. Доктор поднялся вслед за ними.

– Сообщайте о его состоянии, – попросил перед уходом Энлиль, оставляя свои координаты.

Они быстро покинули здание больницы, подгоняемые душившим их нетерпением. Оба ещё в палате Видара неосознанно отметили знакомые черты, но из-за волнения не сразу обратили на них внимание. После прочтения отчёта доктора все прояснилось само собой. Застывший в ужасе взгляд их друга говорил сам за себя, а заключение в виде излияния крови тут же напомнило о недавнем заказе, которым им не позволял заниматься Канцлер.

Примерно полтора года назад Энлиля и Энки наняла молодая девушка, дочь влиятельного сановника и политика, считавшая, что её отцу грозит опасность. За весьма солидное вознаграждение парням поручалось всего лишь тайно от самого политика охранять последнего в течение неопределённого времени.

Шёл третий месяц их непыльного дежурства, и ничто не предвещало беды. Жизнь чиновника текла обычным чередом, пока в конце очередной, похожей как две капли воды на предыдущие, недели он неожиданно не скончался от обширного инсульта. Такова была официальная версия следствия. Но Энлиль с Энки составили своё мнение на этот счёт.

Пользуясь благоразумно прикарманенным пропуском первого уровня, позаимствованным в закромах Канцлера, оба, под видом агентов, смогли первыми попасть на место преступления, перехватив тревожный вызов охранной системы в офисе политика.

Его обнаружили в своём офисе в Ашшуре – мегаполисе второго материка планеты – мёртвым и без признаков насилия. Помещение офиса, неприступное, как бастион, было полностью изолировано, никто бы не вошёл и тем более не вышел из него без ведома охранной системы, которая отслеживала всех, кто находился в здании, и моментально распознавала чужака даже по запаху. На момент смерти, как показывала охранная система, политик был в помещении один.

По сути, Энлиль и Энки расследовали это дело ровно пять минут, пока на место преступления не прибыла служба от сената двух Верховных Правителей Республики, полномочия которых были на уровень выше, нежели у службы сената Четырёх Канцлеров, к которой, к тому же и незаконно, относились наёмники.

Слушать замечания и версии двоих друзей никто не стал. Обоих спешно удалили из здания, тут же отправили обратно на их материк. По приезду Энлиля сразу отвезли к Канцлеру, где тот целый час поил его чаем и сенатскими байками, пока не перешёл к цели этого визита. Канцлер прямо дал понять племяннику, что ни ему, ни Энки, с которым наверняка уже провели разъяснительную беседу, интересоваться происшедшим в Ашшуре не стоит. Что дело это впредь не в его юрисдикции, а курировать его будут службы сената Верховных Правителей, возможно, даже один из Правителей. И на случай, если Энлиль успел что-то заметить или, не допусти небеса, что-то прихватить с места происшествия, ему следует сказать об этом прямо сейчас.

Излишняя напускная строгость Канцлера не обманула Энлиля, но и играть с огнём в лице опытного дяди-политика он не собирался. Энлиль не стал делиться с ним своими наблюдениями. Тем более что из кабинета чиновника он действительно ничего не брал. Ничего не снимал или фотографировал, не делал копий документов или файлов, а всего лишь запомнил некоторые детали, да просмотрел три-четыре минуты записей с камер наблюдения до тех пор, как его и Энки без лишней деликатности удалили из здания под конвоем. Именно запомнившиеся отрывки последних минут жизни чиновника не давали молодому командиру забыть этот случай. На этой записи политик монотонно разбирал документы, после чего неожиданно и как-то механически встал из-за стола, медленно вышел на середину комнаты, и там, простояв, не двигаясь, секунд тридцать, повалился на пол. Больше он не двигался. В такой позе они его и обнаружили. Также было отчётливо видно, как за эти полминуты кардинально менялось выражение лица умершего. Нет, оно не исходило судорогами, напротив, оставалось спокойным, даже безмятежным, но вот глаза политика, казалось, существовали отдельно от своего хозяина. Они кровоточили в уголках и расширились до предела, рискуя выкатиться из глазниц. Кровь тонкими струйками текла также из ушных раковин и носа, свидетельствуя о резком повышении давления. В этом случае медики не найдут причин усомниться в своем диагнозе и он, при таких симптомах, практически всегда окажется верным. Но как тогда объяснить то, что отражалось в глазах сановника? Энлиль был готов поспорить, что в них он распознал ужас и страх, вызванные не только внезапным ухудшением здоровья, и ещё кое-что: приблизив изображение зрачков, он заметил в них неясный силуэт или то, что можно принять за такой. Складывалось впечатление, что политик стоял лицом к лицу с кем-то, кого по непонятным причинам не смогла увидеть охранная система. И этот кто-то помог ему умереть.

– Им необходимо, чтобы это был несчастный случай? – не удержавшись, спросил Энлиль и тут же отметил, как недовольно взметнулись белые брови Канцлера.

– Клянусь, – поспешил заверить его он, – спрашиваю первый и последний раз.

Канцлер так и не ответил тогда ему, взяв с племянника слово, что тот не вспомнит о случившемся и не будет ничего ворошить. Энлиль, пообещав не вмешиваться, забыл распространить своё обещание на Энки, поделился предположениями с другом, но дальше разговора всё так и не пошло. Из-за вмешательства Канцлера им пришлось отказать дочери

политика в поиске убийцы, который наверняка был как-то причастен и к необычному ранению их друга, так похожего на тот случай.

Канцлер!

Энлиль чувствовал закипающую злость по отношению к старому интригану. Он не дал ему возможности докопаться до правды раньше, и теперь его лучший друг умирал от всё того же изощрённого способа, что лишил жизни известного политика.

Злость начинала искать выход, но он уже знал, где сможет дать волю чувствам. Оба друга, не замечая пестрящих красок рассвета, направились к окутанному золотом сенату.

Глава 4

Приглушённый свет, словно вспышка, ослепил Дильмуна, когда тот попытался приоткрыть налившиеся веки. Он поспешно заслонил глаза ладонью, давая им привыкнуть. Парализующее действие наркотика ещё ощущалось в его теле, и Хранитель не мог с уверенность сказать, сколько времени провёл в забвении. Каждое движение давалось с трудом, отзывалось болью в затылке и сердце. Он лишь слегка поменял позу и застыл, не шевелясь, сохраняя последние остатки силы. Так он лежал, уставившись в потолок, пока его глаза не адаптировались к полумраку, а шум в голове не затаился глубоко внутри.

Тогда он решился осмотреться. Медленно ощупывая каждый метр взглядом, он быстро понял, что находится в каком-то старом просторном складском помещении. Дышалось ему легко. Но это не говорило о том, что он все ещё находился на родной планете. С таким же успехом его могли привезти на любой комплекс любой из двадцати освоенных планет и спутников, или вовсе вывезти за пределы системы.

Дильмун попытался приподняться на локтях и только сейчас заметил оковы на левой руке. Он легонько потянул примитивную цепь и тут же металл отыграл звуком, ударяясь о стену и пол. Звенящее эхо будоражило сжатую тишину несколько секунд, прежде чем сталь утихла. Дильмун решил пока оставить цепь на потом. Меньше всего ему сейчас хотелось привлекать внимание своих похитителей.

Он снова лёг на спину, вытягиваясь во весь рост. Те, кто его сюда принёс, удосужились позаботиться о заключённом и оставили ему старый матрац с одеялом. Дильмун был рад и этому. Его немолодое тело начинало мёрзнуть. Хранитель плотно прикрыл глаза и сосредоточился на своих мыслях. В нём практически не осталось силы, он чувствовал – его подавляли, но может, резерва хватит для послания?

Соединив все остатки доступной ему энергии, он мысленно сплетал её в комок и был готов выбросить его в пространство, пока тот не достигнет разума адресата. Ему удалось сосредоточиться с большим трудом. Он ощущал, как с каждой ниточкой энергии становится слабее сам, но продолжал сплетать послание. Находясь уже в полуобморочном состоянии, Хранитель выпустил комок в невидимое для обычного взора пространство, но тот, преодолев несколько метров, наскочил на щит и разлетелся на сотни гаснущих осколков.

– Тут ты бессилен, старик.

Дильмун не заметил тихо подошедшего к нему незнакомца и с трудом перевёл взгляд в то место, откуда звучал его голос. В темноте виднелся лишь силуэт, но и по нему Хранитель распознал перебежчика. Перед ним стоял тот, кому ещё недавно он, не задумываясь, вверил бы жизнь.

Бывший телохранитель, чьё имя наконец-то всплыло в его памяти, все так же тихо отступал в темноту, покидая слабо освещённый угол, где был прикован Дильмун.

…Его имя, воскреснувшее в памяти Хранителя, слетело шёпотом с его уст. Не то имя, что он слышал от предводителя телохранителей командира Хоннора, не то, которым называл себя лжец, а настоящее, данное ему при рождении, внесённое в большую летописную книгу династий павшей Империи, и забытое на много столетий, практически сразу после его рождения.

Дильмун похолодел. Правда, открывшаяся ему, остро кольнула его память. Но это невозможно.

– Нер-мал! – прокричал ему вслед Хранитель. – Нер-мал!

Он ещё несколько раз звал своего тюремщика, пока вокруг вновь не воцарилась тишина. Слыша замирание эха от своего голоса в дальних коридорах, Дильмун внутренне ощущал присутствие бывшего телохранителя рядом.

– Ты рядом, в темноте, – обратился он к нему.

Закрыв глаза, Хранитель сосредоточился и успокоил мысли. Он приказал разуму показать ему парня, и тот, в обмен на потерянную энергию, подчинился. Перебежчик стоял всего в десяти метрах от Хранителя, скрываясь в темноте неосвещённого угла. Но теперь Дильмун мог внимательно его рассмотреть. Телохранитель был практически таким же, как и в те дни, когда он изредка его видел. Что-то неуловимое изменилось в его внешности. Хранитель не мог понять, что именно: разрез глаз, овал лица? Но именно эта маленькая деталь, как маска, не давала ему раньше рассмотреть правду, она же прятала перебежчика и от охранных систем, дурача все взятые вместе современные технологии сокровищницы и Республики. Теперь же, когда предатель заполучил свою жертву, он более не пожелал и дальше прятать свой настоящий облик. К тому же Дильмун знал, сколько усилий требовалось для постоянного сохранения обманчивой внешности, даже если речь шла всего лишь об изменении цвета глаз или отпечатков пальцев. Стоящий в темноте предатель обладал невероятной силой.

Почувствовав воздействие разума, парень поспешно закрылся, и неожиданно нанёс удар, перенаправив на Хранителя его же энергию. Старик застонал, схватившись за голову. Из носа тонкой струйкой потекла горячая кровь. Устало повалившись на дырявый матрац, он сильно запрокинул голову, пытаясь остановить кровь. Всё его тело ломило, в ушах звенело, но не боль сейчас беспокоила Хранителя. И как он только не заметил сходства. Неужели это он?

– Такие способности, такая сила, – подавляя стон, обратился к молчащему в темноте похитителю Хранитель. Невидимый тюремщик не спешил отвечать. – Давно не встречал подобных умений. Ты достоин быть первым учеником Хранителя и даже его преемником.

Лесть не попала в цель. Перебежчик продолжал игнорировать старика, но и уходить не собирался. Дильмун зашёл с другой стороны, стараясь разговорить бывшего телохранителя

– Ты слишком молод, – продолжил он. – И зовут тебя не Нер-мал. Верно?

Ответа не последовало.

– Прости мне мою память. Старики всегда всё путают, – не прекращал свои попытки Хранитель. – Я ошибся, приняв тебя за него, ведь вы так похожи.

Хранитель внутренне ощутил перемены в дальнем неосвещённом углу. Напряжение волнами разливалось оттуда по всему помещению, и чтобы уловить его, не требовалась и сила разума. Невидимый тюремщик начинал нервничать.

– Ошибся, но не во всём, – аккуратно продолжил Хранитель. – Ты, может, и не Нер-мал, но ты его кровей.

Последние слова он нарочно произнёс еле слышно, но сразу же почувствовал, что они были услышаны. Теперь из дальнего угла растекалась не только паника, но и злоба. Значит, он частично всё-таки оказался прав. Приняв парня за Нер-мала, сына поверженного почти две тысячи лет назад тирана, он не мог поверить своим глазам, ведь тот умер на ссыльной планете. Да и бывший телохранитель был слишком молод, чтобы оказаться сыном свергнутого тирана.

– Я его внук!

Злость, яркая и неприкрытая, сочилась из темноты.

– И его наследник, – парень повысил голос и наконец-то вышел на свет. – Трон Сеннаара по праву принадлежит мне, и вы все заплатите… Заплатите за всё!

Голос его сорвался на фальцет, вызывая слабую улыбку старика. Разозлённый его реакцией, он с силой схватил его за грудки, и резко встряхнул. Кулаки, терзающие ткань его одежды, сжались до предела. Побелевшие костяшки выпирали вперёд, не находя во что впиться. Бывший телохранитель злобно пронизывал взглядом повисшего старика.

Слегка успокоившись, он, словно играючи, откинул Хранителя от себя на несколько метров. Тот с грохотом ударился об стену и бесформенно осел на пол. Удовлетворившись результатом, тюремщик оскалился в ответ на стоны старика, пытающегося сесть. Правое запястье Дильмуна неестественно выпирало в сторону.

Все ещё скалясь, бывший телохранитель обернулся и зашагал прочь, но проникнув в темноту, остановился.

– Лучше бы тебе знать имя своего будущего правителя, старик. Знать истинного наследника, – обратился он к Хранителю.

Дильмун пытался унять дрожь в теле и боль, сгустившуюся в сломанном запястье. Он был слаб, чтобы помочь себе и закрыться от неё, не говоря уже об исцелении, и лишь бережно прижимал к телу изувеченную руку. Приподняв голову, Хранитель уставился в темноту, откуда к нему обращался его похититель.

– Мое имя: Эн-уру-гал из рода Нургалов, – донеслось из темноты. – Запомни его, старик.

Хранитель услышал удаляющиеся шаги. Он остался один, и боль не замедлила о себе напомнить, а в нём совсем не осталось сил. Придётся терпеть, и восстановить хоть немного энергии, которая, в этом он был уверен, ещё ему понадобится.

– Эн-уру-гал, – повторил про себя Хранитель, ощущая мерзость этого имени у себя на языке.

Сплюнув кровь, он медленно вернулся на матрац.

…

Эриду удалось вздремнуть несколько часов перед приходом наёмников, но тревожная дрёма лишь ещё больше накалила и без того измотанные нервы Канцлера. Едва проснувшись, он вновь увяз в своих страхах и сомнениях, ни на минуту не переставая искать логическое объяснение всему случившемуся, а недавний отчёт от дежурного врача о состоянии умирающего телохранителя только подлил масла в огонь. На первый взгляд обычный, медицинский доклад заводил его в тупик, вернее то, что просачивалось между его строк.

Эрид мало что понимал в этих вопросах, но после многовековой дружбы с одним из Хранителей Аккадской сокровищницы научился распознавать признаки использования способностей разума. Но такие навыки казались ему воистину могущественными и необычными. Убить силой мысли, разрушить регенерационный барьер самого совершенного тела в этой галактике, которым обладали илимы, отравить генетический код, по сути, отравить саму душу, скрывающуюся в этом теле. Даже не все Хранители не обладали подобной силой.

В памяти Канцлера всплыл недавний случай, связанный со смертью известного политика, расследование которого он пресёк. На тот момент Эрид поступил правильно, отгородив Энлиля и Энки от опасности. И Канцлера мало волновало то, что теперь племянник справедливо станет обвинять дядю в произошедшем с его другом. Но Энлиль и не знал всей правды, в частности, того, что это было уже далеко не первое подобное убийство. Не мог он знать, и каким на самом деле способом лишили жизни несчастных. Вычислить и, тем более, поймать такого преступника ему и Энки было бы не по силам.

Тот, кто способен пройти любые уровни охранных систем, остаться незамеченным и убить, даже не прикасаясь к жертве, тот, кто лишил жизни политика, и смертельно ранил бывшего сослуживца парней, обладал невероятно развитыми способностями разума, недоступными простым смертным. Его смертоносное оружие скрывалось в мыслях, которыми он так искусно управлял, и которыми, наверняка убил бы и самих наёмников, не запрети Канцлер соваться им в это дело.

Веками он пытался оградить Энлиля и Энки от всего этого. Но сейчас у Канцлера уже не оставалось выбора, и причина тому – Хранитель. Прошедшим вечером он так и не дождался Дильмуна на важную встречу.

Поначалу неявка старого товарища не удивила Канцлера, и, возможно, Эрид так и не обратил бы внимания на неуважительный поступок, ведь Хранитель своим поведением ничуть не выходил за рамки общения, сложившегося между ними за долгие годы знакомства. Канцлер привык к выходкам друга, зная его чудаковатый нрав. Дильмун мог передумать идти, уже будучи на пороге, застрять возле какой-нибудь рукописи и вовсе забыть обо всём, засидевшись со своими кошками, заполонившими его покои. Причин всегда хватало, и Эрид не сразу начал волноваться.

Поужинав в одиночестве он, как всегда в это время, разбирал накопившиеся доклады на своём столе. Его порядком клонило в сон, и он не вспоминал о переменчивом вредном старике, пока не наткнулся на знакомое имя в одном из докладов. А разобравшись, о ком идет речь, Канцлер не знал уже, что предпринять первым делом. В докладе говорилось о смертельно раненом молодом военном, опознанном по форме и документам, и этот парень оказался лучшим другом его племянника и ко всему прочему, личным телохранителем не появившегося Дильмуна. Помедлив, Эрид всё же решил, что он должен сообщить Энлилю. Но прежде чем связаться с племянником, он больше часа думал о случившемся, пока в его голову не пришла одна малоприятная догадка. Он вновь прочёл доклад, и нехотя в ней убедился. Парк на границе города, где был найден раненый телохранитель, рассказал больше, чем все его домыслы, вместе взятые. С чего бы парню находиться в самом любимом месте Хранителя, если только не сопровождая его самого? Предсказуемый ответ напросился сразу: Дильмун вновь не утерпел, и вместо того, чтобы прямиком направиться в сенат, заскочил в свой лес. Что именно произошло на том утёсе прошлым вечером, Эрид сумел догадаться и без отчета патрулей – старика похитили.

Придя к такому умозаключению, Канцлер был вынужден сдержать возникший порыв отправиться в сокровищницу, чтобы лично убедиться в положении дел, но, поразмыслив, он отбросил эту идею. Случившееся попахивало предательством, и Канцлер не решился довериться не только командиру телохранителей сокровищницы, но и ближайшим соратникам, опасаясь риска навлечь на Дильмуна ещё больше бед. То, что рядом с Видаром не обнаружили и тело старика, внушало надежду – его похитителям не была известна истинная ценность жизни Хранителя, иначе последний оказался бы уже мёртв.

Теперь Канцлеру предстояло действовать скрытно. Отчасти, по этой причине ему и пришлось вызвать Энлиля. Только с помощью племянника и его верного товарища удастся незаметно, не привлекая внимания, разузнать судьбу Хранителя.

Канцлер вздохнул.

«Почему только этот старый гордый дурак не доверился мне раньше?» – мысленно ругал он друга, не желая признаваться, что ругать стоило и себя. Ведь он уже замечал тревожные перемены в настроении старика, замечал, и всё равно ничего не предпринял.

Хранитель боялся, и последние недели ему всё труднее становилось это скрывать. Неопределённость раздражала и пугала Канцлера не меньше, чем Хранителя. Как один из немногих, кто был посвящён в дела Сеннаарского братства, Эрид понимал страхи Дильмуна, знал, насколько опасны их враги и в особенности тот, кому они служат. О последнем Канцлер не решался даже думать. Его склонный к рационализму ум отказывался принимать само существование этой безжалостной необъяснимой высшей субстанции, чьи щупальца уже которое тысячелетие все сильнее окутывали их галактику.

«Счастье в неведенье», так он считал с того самого дня, когда Хранители ввели его в круг посвящённых. И уж лучше бы некоторые свои тайны братство продолжало держать при себе. Тогда бы он никогда не узнал, что мир вокруг не так прост, как может показаться,

а силы, управляющие им, куда могущественнее известных законов мироздания. Силы, способные стереть его страну по одной лишь только прихоти.

В задумчивости Эрид продолжал медленно блуждать по кабинету, вновь и вновь проматывая в голове события последних часов, но переживания опять тянули его к племяннику. Канцлер тяжело дышал, тихо разговаривая сам с собой. Если бы у него было время… Такой роскошью Эрид не обладал. Узел затягивался, и Канцлер уже не мог ничему помешать, лишь раз за разом отмечая все новые и новые признаки, так пугавшие Хранителя. Опаснее же всего казалось ему то, что враг более не таился. Практически не таился. Его появление скользило не только в участившихся убийствах членов братства, а теперь и исчезновении старика, но и в разрастающейся космической угрозе. Последние месяцы Высшее военное командование доносило неутешительные вести. На пограничных рубежах фиксировались следы неизвестных кораблей-разведчиков, а число их случайных жертв перевалило за сотни. Складывалось впечатление, что в обороне Республики кем-то выискивался изъян. И, что особенно беспокоило военных, поймать эти корабли так и не удалось. Лучшие пилоты-асы пускались вслед за ними, но те, что зафиксировали и камеры наблюдения, словно растворялись в пространстве, не оставляя следов.

Враг готовился…

«Сколько у нас осталось времени? Стоит ли теперь ожидать вторжения?» – задавался вопросами Канцлер, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации ожидать можно было уже чего угодно…

– Доброе утро, милорд. Вы как всегда рано.

Канцлер встрепенулся, не заметив тихо вошедшего сутулого слугу, его личного секретаря и надёжного помощника.

Эрид подозрительно взглянул на слугу, возвращаясь за стол. Такой ли он надёжный, как ему всегда казалось?

«Может, это всё его рук дело, – невольно размышлял Канцлер, – или он продался тому, кто всем этим заправляет? Продался, и продолжал служить мне как ни в чём не бывало, вынюхивая все, что мне известно». Эрид запустил длинные пальцы в растрёпанные седые волосы. «А небеса знают, известно мне немало». С покосившимся взглядом параноика спорил сам с собой он, исподтишка наблюдая за занимающимся своими делами секретарём.

Устыдившись своих мыслей, Канцлер поспешно отогнал от себя подозрения о своём секретаре, пригладив вздыбленные волосы. Так дальше нельзя. Похоже, он докатится до того, что уже не будет верить и самому себе.

– Добрейшее, мой друг, – как можно теплее приветствовал слугу Эрид. – Я и не ложился ещё. Дела.

Секретарь укоризненно покачал головой.

– Дела, дела, – промямлил он под нос, сортируя документы для доклада на своём столе, заставляя Канцлера улыбаться. Нет, слуга не мог быть предателем, иначе грош цена ему как Канцлеру. Да и куда ему впутываться во все эти интриги. Секретарь, полное имя которого давно укоротилось до одного слова, – Дидук, и сам позабыл счёт своим годам, а многие считали его чуть ли не самым старым, если не сказать древним, обитателем в стенах сената Четырёх Канцлеров. По всем уставам, Эрид давно должен был заменить его более молодым и расторопным секретарём, но он не хотел лишать себя общества не столько проверенного временем помощника, сколько друга, которым считал этого порой заносчивого старика.

К тому же, Дидук был тем, кому Канцлер доверял многие свои тайны, и он единственный из его окружения, помимо Дильмуна, знал о существовании наёмников в жизни Эрида. И если одна только мысль о том, что Дидук был бы способен навредить своему господину, уже казалась кощунственной для Канцлера, то мысль о том, чтобы старик хоть как-то навре-

дил Энлилю и Энки, вовсе не умещалась в голове Эрида. Тот не просто всё детство баловал и опекал двух сирот, а искренне любил их, и такую преданность ничем не перекупишь.

– Энлиль вот-вот нагрянет вместе с Энки. Они будут рады тебя видеть, – обратился к слуге Канцлер.

– Чего нельзя сказать обо мне, – шёпотом добавил он.

Но старый секретарь и без того уже не вслушивался в его слова. По-старчески обрадовавшись, он суетливо покинул кабинет Канцлера.

– Что ж вы не предупредили, – на ходу ворчал он, – надо ж заказать их любимые сладости.

– Ты может и не заметил, – улыбаясь, крикнул ему вдогонку Канцлер, – но они уже не дети!

В дверной проём на секунду протиснулась голова секретаря, с таким выражением на лице, с которым изрекают вселенскую мудрость.

– Конфеты скрашивают любой возраст, милорд, – невозмутимо констатировал он, оставляя Эрида наедине со своими мыслями.

Канцлер ещё какое-то время улыбался. Немного успокоившись, он заставил себя взяться за забытую с вечера работу. Постепенно ему удалось отвлечься и даже вникнуть в смысл документа. Это была недавно принятая в сенате военная директива по передислокации войск, решение которой он намеревался оспаривать. На полях он оставлял личные пометки тонко заточенным карандашом. Тягу к архаичному способу хранения информации, в том числе и к письму от руки на простой бумаге, использование которой считалось диковинкой уже не первое тысячелетие, он позаимствовал у Дильмуна, и теперь не упускал возможности размять пальцы, давая им волю воплотить свои мысли на шершавой поверхности бумаги. Не факт, что его полномочий будет достаточно для отмены этой директивы, но, если его поддержит и сам Главнокомандующий, он сможет добиться хотя бы открытых дебатов в сенате, что уже немало.

В неспешной работе пробежал час, в течение которого Канцлер полностью оправился, здраво взвесив недавнюю панику. Теперь, когда поблизости находился его верный секретарь, а в окно приветливо пробивались лучи яркого солнца, сложившаяся ситуация не казалась ему однобокой. Ранение Видара могло быть и не связано с самим Хранителем, и, скорее всего, с Дильмуном всё в порядке. И если старик не даст о себе знать до середины дня, Канцлер наведается в сокровищницу. В конце концов, как одному из шести представителей высшей власти, ему не требовались особые причины для незапланированного визита.

Оторвавшись на мгновение от директивы, Эрид довольно потер лоб – да, так он и поступит. Оставалось только вытерпеть встречу с парнями и попридержать Энлиля и Энки рядом, пока он не решит, стоит ли давать им полномочия на расследование убийства их друга, или ограничиться ресурсами сената.

Вернувшись к директиве, Канцлер вновь погрузился в текст документа, не сразу заметив тихий скрежет. Под скрипы его карандаша в углу комнаты постепенно ожил проектор, готовый вывести в трёхмерный режим полученные данные. Эрид тут же приободрился и внутренне расслабился, почувствовал, как хотя бы малая часть груза сваливается с его плеч.

Тем временем проектор продолжал скрежетать. Это древнее устройство, как и привычка писать от руки, было подарком от Дильмуна. Хранитель нередко передавал с его помощью ему сообщения. Канцлер всегда дивился изобретательности друга. Тот обладал развитыми способностями разума, но в своё время махнул рукой на Эрида, так и не сумев научить упёртого политика даже азам. Не будь Канцлер настолько закрыт к учению Хранителей, они оба могли бы общаться телепатически, не покидая своих кабинетов. Не добившись от друга результатов, Дильмун, в конце концов, разозлился и притащил Эриду этот старый агрегат,

сделав его односторонним устройством для личной связи с Канцлером. С тех пор Дильмун отправлял свои мысли только ему известным путем, а они, долетая к проектору, принимали облик вполне понятных фраз.

Помнится, когда Хранитель, довольный своим подарком, пыхтя, устанавливал расшатанное и немного проржавевшее устройство, Эрид негодовал и сетовал из-за такого выбора, напрасно пытаясь помешать вредному старику уродовать свой кабинет. Несуразный коробок, отслуживший положенное ещё десяток тысячелетий назад, портил лаконичное и уютное убранство покоев Канцлера, как грязное пятно на безукоризненно чистой белой тунике. Почему, спрашивается, было ни выбрать что-то менее броское? Но Дильмун, ожидавший подобных возмущений, только посмеялся над другом.

– Напрягать мозг не захотел, вот и довольствуйся, – подтрунивал он.

Спрятав устройство за ширмой из цветов, Канцлер привык не замечать вопиющей несуразности у себя под носом. Но сейчас он был даже рад раздражающему скрежету проектора, принявшего новое послание. Передать его мог только Хранитель, так что, возможно, опасения насчет последнего действительно оказались преждевременными.

Не вставая, условным движением руки Канцлер быстро активировал загрузку и перевёл её на свой стол. Изображение, поначалу нечёткое, постепенно переставало рябить. Эрид мельком взглянул на текст, возвращаясь к директиве, пока послание полностью загрузится, но тут же вновь встревожено всмотрелся в короткие, обрывистые строки, застывшие в воздухе. Послание, скомканное наспех из мыслей Дильмуна, дошло клочками, в которых лишь отдалённо улавливался смыл.

Не успев толком разобраться, Эрид попытался зафиксировать картинку, но изображение опять начало рябить, дёргаться. Заискрился проектор, а после и вся техника вокруг, выходя из строя. Запах плавленых контактов витал в воздухе. Замыкание уничтожило не только все приборы, обуглив некоторые за считанные секунды дочерна, но и испепелило полученное с их помощью сообщение, врезавшееся в память Канцлера.

– Помоги нам небеса.., – неосознанно тихо произнёс он, порывисто поднимаясь и пытаясь связаться с Энлилем.

Устройство связи также не работало.

Внезапно Канцлеру стало трудно дышать, дико разболелась голова, в висках застучала кровь. Растерянно он попытался позвать секретаря.

Его крик оборвался на полуслове, заглушаемый пульсирующим рокотом взрыва, в мгновение разрушающего прекрасное убранство личных покоев Канцлера, скрывая под пылью и обломками и своего хозяина.

…

Хранитель пытался затаить дыхание, вслушиваясь в отдалённый разговор. Фразы долетали обрывками, и Дильмуну не удавалось уловить суть. Но голос, принадлежавший его похитителю, Эн-уру-галу, он узнал сразу. Ответов того, к кому обращался перебежчик, Хранитель не слышал.

С самого начала этого разговора жуткая тягучая боль пронизывала тело Дильмуна, словно тиски зажимали каждый его орган и давили одновременно во всех направлениях. Наспех заживлённое запястье горело огнем. Хранитель закрывался от воздействия этой силы, вновь теряя с трудом накопленную энергию. Он прекрасно знал причины неожиданного недуга, напрямую связанные с отдалённой беседой бывшего телохранителя. Кто бы ни отвечал Эн-уру-галу, его самого здесь не было. Невидимый собеседник прорывался через большое расстояние, что заставляло пространство вокруг деформироваться и искривляться, последствия чего и ощущал на себе Хранитель.

Эн-уру-гал повысил голос, и Дильмун наконец-то расслышал сказанное.

– Ты обещал мне! – с нескрываемой злостью кричал он.

Был ли ответ, Хранитель не знал. Наступившая тишина развеяла его боль. Дильмун понял, что в этой постройке их снова только двое. Внутренне он почувствовал приближение Эн-уру-гала и быстро прикрылся одеялом. Тот, оставив возле матраца поднос, какое-то время, не шевелясь, постоял рядом.

Стараясь походить на спящего, Дильмун расслышал тяжелый вздох парня и его удаляющиеся шаги.

Глава 5

– Я прошу позволения пройти!

Красная Звезда вновь повторила свою просьбу, но её, как и все предыдущие, оставили без ответа.

– Прошу.., – Звезда из последних сил пыталась прорваться через невидимую преграду между своей и вышестоящей над её миром реальностью другого измерения, но хозяева той стороны не спешили открывать проход, а у самой Звезды на подобное не хватило бы энергии.

К тому же, покинув своё солнце и оставив сферу, Звезда чувствовала все последствия своего путешествия, а огромное, неисчислимое в величинах расстояние между ними напоминало о себе чудовищной силой притяжения, не прекращающей пытаться вернуть её в свою Солнечную систему.

Душа Звезды не была свободна, хоть её сознание и умело проникать практически в любой уголок пространства-времени своего и соседних измерений. Но сейчас этого было недостаточно, чтобы пройти в вышестоящее измерение, покинуть сферу и разорвать с ней связь. Невидимые нити крепко связывали сущность Звезды с её вместилищем, и даже коротенькое путешествие давалось ей с трудом, не говоря уже о нынешнем. То место, куда она пыталась попасть, было закрыто для её разума и сознания, поэтому ей и пришлось прийти к его границам самой. И теперь её одинокая, несвободная душа, застывшая на паперти бесконечных реальностей и терзаемая силой притяжения к своей сфере, напрасно пыталась прорваться выше.

Путешествие к границам сильно вымотало Красную Звезду. Она прекрасно осознавала, что не сможет долго сопротивляться силе притяжения, и вскоре обязана будет вернуться назад к своему вместилищу, к которому была прикована практически с самого рождения нового мира – её Вселенной. Но, неужели все её старания окажутся напрасными, и ей так никто и не ответит?

– Антарес, прошу, позволь мне пройти!

Красная Звезда воспользовалась последним шансом и обратилась напрямую к тому, кто управлял её галактикой. Если Антарес не откроет для неё проход в свою реальность, то другие её обитатели тем более не пожелают этого сделать. Звезда чувствовала их недовольство, но пока не понимала, чем именно вызвала гнев.

Неожиданно она ощутила перемены вокруг. Хрупкая на вид грань между измерениями постепенно сглаживалась, пропуская свою гостью. Красная Звезда переступила порог и тут же приняла иное обличье, привычное для её прошлых жизней.

Без запинки её разум выбрал одну из точек в потоке пространства-времени, перенося её в знакомые и родные места из прошлого. По сути, место, куда она попала, уже давно являлось иллюзией – частью воспоминаний, прошлым, где теперь она была лишь сторонним наблюдателем. Звезда оказалась на широкой слабоосвещённой террасе, выложенной белым мерцающим камнем. Кое-где виднелась молодая листва пробивающихся сквозь мрамор побегов непокорного плюща. В отдалении доносились звуки журчащих водопадов, срывающихся вниз с дальних скал.

Красная Звезда хорошо помнила это место во всех его красках прошлого и провела здесь несколько жизней, до того момента, как её сущность привязали к одной из потока похожих между собой звёздных сфер, закинув в формирующуюся реальность молодого трёхмерного мира. Для рождённой в высшем измерении души ужаснее наказания нельзя было и придумать. Но таков был её путь. К тому же, жить в нижестоящих мирах оказалось не так уж ужасно. И пускай она управляла всего лишь космической сферой – обычным Солнцем

и его Солнечной системой, подобный опыт многому научил юную душу Звезды, и, прежде всего, он научил её терпению.

Оказавшись в старом доме, Красная Звезда невольно погрузилась в череду воспоминаний, проносящихся в её сознании. Она вспомнила свой уход отсюда и обретение новой жизни, в облике пылающей сферы. То время редко воскресало в её мыслях. Красная Звезда всегда отгоняла их, не давая себе ещё один повод для тоски по прежнему дому. Но сейчас ей отчего-то хотелось об этом думать.

Все её прошлые жизни были свободны. Красная Звезда перерождалась десятки раз, становясь всё более сильной и могущественной. Её сущность развивалась настолько стремительно, что будь она свободна и сейчас, её возможности в десятки раз превзошли бы власть самого Антареса. Но от былой силы в ней не осталось и крохотной доли. Нет, она не ушла, не растворилась. Могущество её сущности все ещё находилось в ней, но было под запретом, закрыто от неё с той самой секунды, когда её душу посадили на цепь.

Она не выбирала тот путь, не хотела покидать после очередной смерти привычное измерение, но так было написано ей ещё с первого рождения. Здесь, среди оставленных миров, были все, кого она знала и любила. Её мать – Антея, прекрасная и сильная сущность, управляющая некогда миллиардами звёзд и гиперновой, из останков которой Красной Звезде предстояло сотворить свою сферу. Теперь она властвовала над новой гранью реальностей. Здесь были её братья и сестры, кто, как и она, должны были рассеяться между реальностями новых миров. И в этом месте оставались её верные друзья: воинственный Антарес, задумчивая красавица Летта, прохиндей Анубис и молчаливый Нитур, с которыми она проходила множество жизней. Но чья-то незримая воля предпочла для неё именно такой выбор, и после окончания своей последней жизни её сущность, освободившись от очередного тела, против своей воли попала в молодую Вселенную – трёхмерный примитивный мир, где только-только начинали формироваться первые звезды.

И ей было уготовано одно из двух: либо управлять звездой, либо уступить и попасть в рабство другой сущности, погибнуть без гибели.

Она смутно осознавала то своё новое рождение, обретение формы. Это была острая вспышка сознания, лезвие, озарившее её разум в темноте, когда не было ещё ничего. И вокруг происходили такие же вспышки. Тысячи, сотни тысяч сознаний загорались в кромешной тьме новой Вселенной, и им не хватало только вместилища. Они витали в раскалённой пыли, сильные космические ветра разгоняли горячий газ в разные стороны от сердцевины погибшей гиперновой.

Осознав свою сущность, свою душу, разум, интуитивно, словно управляемая незримыми ориентирами, Красная Звезда начинала свой путь в неизведанном мире. Её очередное рождение происходило так стремительно, загадочно, фантастически просто и сложно одновременно. Пребывая сознанием везде и нигде, она видела себя со стороны такой, какой может стать, – горячей пылающей сферой. Она чувствовала себя в каждой частице, которую пыталась притянуть, которую уже делала собой. Она ощущала рядом разум других ещё не обретших тела душ, кружившихся сейчас, быть может, в ещё большем водовороте стремительных событий. Знала она и то, что многим из них так и не будет суждено озарить своим светом тьму.

Новый мир, данный им смертью матери, был жесток. Недостаточно ощутить свою сущность, осознать разум, душу, нужно ещё стать звездой, создать себя из миллиардов частиц, отвоевать их у всех других сил, притянуть и заточить внутри. И с первого мгновения своего перерождения Красная Звезда была на войне.

Всеми гранями своей только что заново обретённой души она ощущала новую сущность, которой стремилась стать. К этому же стремились и другие ещё не рождённые звёзды. Жадно, жестоко, быстро они поглощали частицы вокруг. Никто из них не знал, почему они

должны порабощать друг друга, но не сомневался даже и доли секунды. Ведь и этого времени более удачливой сущности хватило бы, чтобы поглотить и тебя, и те частицы, которые ты успела присвоить. В этом хаотичном водовороте, тем не менее, царствовал идеальный порядок. Побеждали сильнейшие, слабые были уничтожены в зародыше.

Сознание Красной Звезды быстро пронизывало пространство вокруг, властно и расчётливо притягивая строительный материал для своей сферы, а вместе с ним и зародыши других звёзд. Ей повезло куда больше, чем остальным. Она творила себя практически в эпицентре скопления некогда раскалённых, а теперь остывших газов и пыли. Каждая секунда её новой жизни была на счету, и практически все её усилия уходили на совершенствование своей сферы. Раскалённые частицы рвались на свободу, но сила её притяжения с небольшим перевесом побеждала и стягивала их в одно место, в одну точку, эпицентр её будущего ядра, её сердца. И когда количество частиц было уже таково, что удержать их ещё хоть секунду она бы не смогла, а их энергия готова была разорвать и её сознание, произошло то, чего она так хотела. Частицы подчинились и позволили заточить себя внутрь, она победила – обрела сферу, своё вместилище. А вместе с победой пришло и долгожданное облегчение. Вся сила частиц порабощённой материи стала её силой, их энергия – её энергией, их жизни слились в одну и подчинялись её сознанию. В ядре высвободился первый поток энергии, пробрался через все верхние слои сферы и пульсирующим толчком устремился вдаль, озаряя темноту вокруг первозданным светом, которому предстоит жить намного дольше, чем сфере, освободившей его.

Никто не знал, сколько именно продолжалась эта битва за господство в непроглядной тьме. Все закончилось так же внезапно, как и началось. Так продолжалось, пока в плотных туманностях нового мира не зажглись молодые звёзды, разгоняя своей вспышкой от себя остатки газа и пыли, очищая пространство, отпуская свой первый поток света в далёкие глубины тёмного и таинственного нового дома. Так продолжалось, пока сознание не обрело оболочку, душа новой звезды не получила вместилище. Так продолжалось, пока Красная Звезда не поняла, что она уже совсем одна, и сражаться ей не с кем.

Она победила и обрела вместилище, нарекая себя новым именем, отпуская старое. Впредь она называла себя Красной Звездой, в честь своего прекрасного и ярко-красного Солнца, которым ей предстояло управлять не меньше тринадцати миллиардов лет.

Звезда с жадностью предвкушала новую жизнь и уготованное ей время, пока не осознала главного – больше она не была свободной.

В её части галактики наступило затишье. Где-то продолжали формироваться новые звёзды, умирали старые, проплывали облака из пыли и газов, которые когда-то послужили строительным материалом для её матери, а рядом с ней осталась лишь пустота. Другие звёзды в её окружении не были одиноки. Им удалось заключить между собой шаткий мир, сформировав двойные системы из нескольких звёзд, а то и целые звёздные кластеры. Их притяжение было ощутимо, как и притяжение Красной Звезды. Незримые цепи крепко связывали их вместе, но сознание одинокой звезды было далеко и улавливало лишь шёпот, невнятные отголоски далеких звёзд.

Все, что окружало её, – это одиннадцать колец астероидов, всевозможных осколков и пыли, кружившихся на созданных для них орбитах. В них не было ни тени сознания, ни пылинки разума. Не лучшее соседство в мире, где и так всё кажется мёртвым. Эти тёмные глыбы, отражающие её свет, постоянно сталкивались, притягивались между собой, меняли орбиты, формировали сферы и тут же сами их разрушали, напоминая миниатюрную историю рождения звёзд. Но такое однообразное и скучное соседство вряд ли могло заинтересовать пытливый разум перерождённой души.

Молодая звезда тянулась мыслями к равным себе, своим дальним соседям. Она была привязана к своей сфере, в первое время с трудом и ненадолго могла покинуть пределы

её гравитации, свою Солнечную систему, и только освобождённый ею свет и практически не имеющий границ разум связывали её с окружающими многогранными мирами.

Какое-то время угасающий след разума её матери после взрыва гиперновой отдавался слабым отголоском в её сознании. Красная Звезда тысячи раз пыталась докричаться до той, кому была обязана новой жизнью, но разум могущественной сущности уже давно покинул молодой мир третьего измерения.

Постепенно лишь удушливая тишина и неспокойные мысли остались спутниками новорождённой. Терзаемая противоречиями Звезда начинала всё больше тосковать. Время ускользало незаметно, странно и необъяснимо. В тягостных попытках найти ответы быстро прошло несколько миллионов лет. Но чем взрослее становилась Звезда, тем медленнее для неё текло время. Ей уже не удавалось увлечь себя ранее захватывающими её мыслями. Её свет проник глубоко в космос во всех направления, и он пугал Звезду. В этом огромном плоском мире редко встречались галактики, и свет почти всегда пронизывал только холодную пустоту, немую и неприветливую. Увиденное угнетало. Все чаще и чаще сознание Звезды просто молчало, и хуже пытки нельзя было придумать для совершенного, яркого и безгранично развитого разума, которому попросту нечем себя занять. То, что можно узнать и осознать, было узнано, то, что хотелось осознать, было недоступно и скрыто.

Само существование впредь напоминало заточение. Ужаснее же всего было понимание того, что её душе ещё не скоро удастся из него выбраться. Звезда знала, что подобные ей живут долго, очень долго, невыносимо долго. Ещё в дни битвы за своё вместилище ей следовало бы поглотить гораздо больше материи, чем она смогла притянуть, и это бы существенно укоротило её век. То, что не сделала она, смогли осуществить другие звёзды. Их было не так много, особенно среди молодых, а та, которая являлась самой большой в её уголке Вселенной и, как догадывалась Красная Звезда, самой недолговечной, и вовсе находилась в другой галактике.

Связи с Голубым Сверхгигантом у Красной Звезды не было. Но её сознание благодаря памяти её света могло наблюдать за жизнью этой величественной сущности, которая стремительно угасала с каждым новым потерянным пульсом энергии, с каждым порывом космического ветра, уносящего разреженную атмосферу звезды вдаль и формируя вокруг неё причудливые туманности.

Скорее всего, Голубой Сверхгигант появился на своей арене, когда вместилище её матери уже освещало тьму вокруг себя, а быть может, он был и её ровесником, только более бережливым и долговечным. Он находился невероятно далеко от Красной Звезды, но его яркое голубоватое свечение оставалось заметно, и с каждым мгновением его пульсация становилась всё сильнее. Эта звезда превосходила сферу Красной Звезды в массе более чем в тысячу раз, обладая невероятно большим вместилищем, возможно, даже таким же большим, как и её мать. И теперь жизненный путь Голубого Сверхгиганта неумолимо завершался, а он сам заканчивал последние приготовления перед катастрофической гибелью.

Жизнь самой царственной звезды была неким спектаклем для немногочисленных обитателей огромной чёрной пустоты, и Красная Звезда жадно наблюдала за последними мгновениями существования Голубого Сверхгиганта. Как жаль, что ей не удалось поговорить с ним. Возможно, если он действительно был среди первых в этом новом мире, его история смогла бы дать ответы на многие вопросы одинокой звезды.

Свершилось бы это или нет, ей уже не узнать никогда. Гибель величественной сущности была невероятной. Это случилось внезапно. Хотя во Вселенной, устроенной самым невероятным образом, любые рассуждения о любых событиях всегда относительны. Смерть Голубого Сверхгиганта была и внезапной, и нет. Красная Звезда видела его гибель, словно была рядом с ним, и между тем, свет, рождённый ярким, непостижимо чудовищным мощным взрывом, добрался до неё лишь почти через четыре тысячелетия. Свет таил в себе

обрывки ценной информации, мозаику потерянных знаний, которую уже было не собрать, и то, что поразило её разум: страх и боль умершей звезды, все ещё звучащие в её угасающем переродившемся сознании. А ведь Красная Звезда была уверена, что необычный Голубой Сверхгигант встречал свою гибель как освобождение. Но это оказалось не так. Значит, не все обитатели молодой Вселенной страдали так же, как она, и мечтали об освобождении. Кто-то из них, а может быть, и многие, хотели жить и боялись неизведанного нового пути.

Эти выводы хоть и взволновали её, но не изменили взглядов на своё существование. Одно дело быть в клетке несколько миллионов лет и считать эту жизнь короткой, другое – не находить ответов в течение миллиардов лет, времени, которое, как знала сама Красная Звезда, ей суждено прожить в этом мире. Будь она хоть вдвое больше своего размера, она наверняка бы уже готовилась к скорой смерти, но её сфера была идеальна для долгого существования, а расход энергии оказался столь бережлив, что его, возможно, хватит до исхода всей Вселенной. И первое, с чем смирилась Красная Звезда, на что действительно нашла честный ответ, было осознание своей долгой и пустой жизни, виновницей которой она сама и оказалась.

Безысходность и тоска туманили рассудок молодой звезды. Постепенно существование её стало сродни сну, в котором нет сновидений, а лишь желанное забвение и отрешённость от всего. И так, по существу, не успев переродиться, сознание Красной Звезды начало умирать.

Время шло, миллионы лет пролетали, словно за секунду, всё казалось как прежде: пылающая гигантская сфера всё так же выпускала потоки энергии в открытый космос, размеренно и экономно. Душа же Звезды спала и была далеко от своего вместилища, витая в воспоминаниях привычных ей миров. Ничто вокруг не волновало и не привлекало её внимания. Она давно перестала читать память выпущенного ею света, то, что творилось во Вселенной, казалось ей либо непонятным, либо скучным. Лишь раз за несколько миллиардов лет она приходила в сознание, ожидая увидеть привычную пустоту вокруг. Так и было. Её братья и сестры всё так же были недоступны её разуму, а окружающее пространство не озаряло мерцание никаких других звёзд, кроме неё самой. Лишь на мгновение её внимание было привлечено к некогда хаотичным кольцам обломков и астероидов. Их стало гораздо меньше, а в некоторых местах они и вовсе исчезли, уступая место крошечным сферам, холодным и мёртвым. Рядом с некоторыми из них были ещё меньшие сферы, и все они тянулись к ней, удерживались её притяжением и первое, что захотелось Красной Звезде, – просто стряхнуть весь этот мёртвый хлам в чёрный глубокий космос. Но отчуждённость вновь обволакивала её разум, а забвение спасало от пустоты…

Когда она очнулась во второй раз, пришлось долго не только приходить в себя после продолжительного сна, но и осознавать причины, которые заставили её проснуться. Прежде всего, Красная Звезда поняла, что она далеко не молода. Её сфере было уже не менее семнадцати миллиардов лет, и возможно, большую часть своего жизненного пути она проспала. Но не ради такой новости её уникальный разум пожелал проснуться. Что-то другое заставило его растормошить тоскливую душу и вывести её из оцепенения. И именно эта причина вернула ей давно забытую способность чувствовать. Красная Звезда ощутила присутствие другого разума.

Осознание этого было столь же невероятно, как и то, что разум этот оказался к ней очень близко, так близко, что в первые мгновения Звезда не решалась в это поверить. Его источник находился практически возле неё самой, всего мгновение потребовалась на то, чтобы его разыскать. И то, что обнаружила Красная Звезда, ещё больше ввело её в замешательство.

Вокруг её вместилища на строго отведённых им гравитацией орбитам вращались разные по величине и составу сферы. Она видела их только благодаря своему свету, отражаю-

щемуся от их поверхности, и были эти сферы совсем крошечные по сравнению с ней. Существование на своих орбитах планет и других космических тел никогда особо не занимало Красную Звезду. И теперь она смотрела на эти некогда глыбы космического мусора с явным интересом, которого не испытывала с самого рождения. Когда они в последний раз привлекали её внимание, многие из них только формировались в сферы. Мало что изменилось в её части галактики за время её сна, но её личное пространство изменилось кардинально. Её окружали десять планет и плотное кольцо астероидов последней и самой дальней планеты, одиннадцатой, которая так и не смогла сформироваться или была разрушена. Помимо этого пространство вокруг Красной Звезды все ещё кишело всевозможными обломками, но их количество значительно поубавилось, а те, что остались, двигались по ещё более причудливым эллиптическим орбитам, нежели планеты. Казалось, всё в её окружении пребывало в идеальном порядке и уживалось между собой.

Планеты, вопреки всему, продолжали существовать, и все они чем-то напоминали Красной Звезде её саму. Быть может своей формой, а может, и тем, что, как и она сама, их тела состояли в основном из пыли и газа погибшей гиперновой. Вот только ни сознания её матери, ни другого сознания иных звёзд в них не было. Они отражали испускаемый Красной Звездой свет, окрашивались причудливыми оттенками и не проявляли никаких признаков привычного для Красной Звезды разума.

Так должно было быть и после внезапного пробуждения. Но так уже не было. Именно среди этого всегда молчаливого хлама, ставшего планетами, и витал еле уловимый отголосок формирующегося разума. Его ощущение было ещё так слабо и невнятно, но оно было и говорило о том, что по необъяснимым для Красной Звезды причинам, на одной из планет, удерживаемых её гравитацией, создавалось нечто непонятное, и созидание это происходило под её руководством.

Поражённое сознание Красной Звезды молниеносно оказалось возле загадочной сферы, всё больше проникая через завесу атмосферы вокруг неё. Менее чем за долю секунды её вездесущий разум уже успел побывать в каждом уголке планеты, собирая непонятную информацию и ища отголоски разума. Не прошло и мгновения с момента пребывания сознания Красной Звезды на загадочной планете, как она знала о ней практически всё и практически ничего.

Источником зарождения разума, новой жизни была четвёртая планета от неё. Она отчетливо выделялась среди других сфер. Как и все остальные, четвёртая планета отражала свет удерживающей её звезды, но её окрас был совершенно иной. Он не был похож на холодное серое свечение дальних планет или огненные отблески самой близкой к Звезде и самой раскалённой планеты. Не напоминал он и красный оттенок шестой планеты или розово-жёлтый цвет третьей. Отражение четвёртой сферы походило на слабое свечение погибшего Голубого Сверхгиганта, и планета эта была практически синей, лишь в некоторых местах виднелись неровные бурые клочки.

Синяя планета была небольшой сферой радиусом не более двадцати тысяч километров, она представляла собой зародыш несформировавшейся звезды, которую подчинила некогда сама Красная Звезда. Но то, что успела притянуть порабощённая сущность, оказалось заключено в горячем ядре, глубоко внутри планеты. Ядро было окутано раскалённой мантией, которая временами находила выход на поверхность и нарушала тишину громкими выбросами. Поверх мантии шли всевозможные наслоения бывшего космического мусора, переродившегося в нечто новое, менявшего форму, цвет, состав и прекрасно освоившегося в новой роли. Теперь этот бывший мусор был твёрдым, как бежевые, бурые или чёрные клочки на поверхности, жидким, как всё то, что окружало эти клочки, перемещалось под ними и по ним и занимало большую часть всей поверхности планеты, и газообразным, как то, что окружало небольшим слоем всю сферу.

На своей орбите планета удерживала два спутника. Один был совсем крошечным, второй также значительно уступал в размерах, но скорее напоминал маленькую планету без горячего ядра, нежели простой спутник. Нетрудно было догадаться, что второй спутник был некогда частью пятой планеты, оторванной от неё в момент какой-то катастрофы и притянутый четвёртой планетой ещё в период формирования всех сфер. Красной Звезде было легко разложить его на составляющие, до самой мельчайшей частички и сравнить с любым материалом её небольшого дома. То же самое она проделывала и с необычной синей планетой. Её совершенный ум находил знакомые частицы, упорядоченные и привычные связи, закономерные последовательности и никак не мог объяснить, почему, собравшись вместе в очень сложном союзе, все эти частицы, иногда даже не подозревая об этом, творили новые формы жизни.

Они объединялись, заключали некий договор, сосуществовали так слажено, что напоминали маленькую копию Вселенной. И то, что получалось в результате такого сосуществования, обладало разумом.

Разум этот отличался во многом. Он был примитивен и слаб, и не каждая форма жизни могла им похвастаться. Но над всеми видами живого на планете отчётливо выделялся особый вид, чей разум опережал любой в тысячи раз. Именно он и разбудил окончательно Красную Звезду. И проснувшись тогда, Звезда уже ни на минуту не оставляла то, что было её творением, хоть и запоздало осознанным. Впредь, она видела каждый шаг эволюции этих существ, подталкивала их, оберегала, незаметно для них самих вела к новым вершинам, уже тогда понимая, как высоко они смогут подняться.

Около двух миллионов лет потребовались на то, чтобы эти существа смогли научиться мыслить иначе и воспринимать новое, более успешно приспосабливаться к изменчивой окружающей среде, с пользой использовать приобретённый опыт и передавать его будущим поколениям. Это позволило им быстро доминировать над всеми подобными им видами. Наличие в их сущности всё время развивающегося разума помогало этому виду, в конечном счёте, создавать первые взаимовыгодные союзы, строить быт, первую культуру. Он же, разум, оказался и связующим проводником, благодаря которому в своё время пытливый ум новой жизни смог впустить в своё сознание Красную Звезду. Но удивляло Звезду и другое: поразительная схожесть не только этих существ, с обликом обитателей вышестоящих реальностей и измерений, но и схожесть их миров.

Любуясь знакомыми пейзажами своего старого дома, Красная Звезда узнавала в них красоту пейзажей и природы с четвёртой планеты, словно та была маленькой примерной копией более совершенного мира. И это удивительное совпадение касалось не только планеты в её Солнечной системе. В других созвездиях также нередко возникали разумные формы жизни, повторяющие облик вышестоящих обитателей Вселенных. И, пожалуй, единственным существенным различием между ними, как считала сама Красная Звезда, были способности их разума.

Обитатели этой реальности простого трёхмерного мира, несмотря на схожесть со своими прототипами, оставались на практически самой нижней ступени эволюции разума, и порой не могли управлять даже собственными жизнями, в то время как вышестоящие обитатели Вселенных с легкостью управляли не только звёздами и галактиками, но и целыми мирами или клубками параллельных миров, выходя за рамки четвёртого, пятого, шестого, а некоторые даже восьмого и девятого измерений, подчиняя себе не одну и не две, а порой и миллиарды всевозможных вариаций реальности.

Да, эти существа оставались ничтожными, но далеко не все. Созданная ею форма жизни уже сейчас контрастно выделялась на фоне всех примитивных существ, когда-либо зародившихся во Вселенных, а сущности некоторых из них обладали чем-то схожим с мате-

рией вечной души самой Звезды, что позволяло этим счастливчикам постоянно перерождаться и продолжать свой путь, хоть многие из них этого пока и не осознавали.

Красная Звезда смогла создать не просто новую жизнь. Благодаря своему дару она поспособствовала эволюции расы, вышедшей из ничего, эволюционировавшей с веками, стремясь к свету познаний, которая на своем пути вполне могла стать на один уровень с могущественным разумом самой Звезды и пойти гораздо выше. Сейчас же илимы, как они себя называли, находились буквально в начале своего шествия. Ещё многое им предстоит осознать, прежде чем законы мироздания станут для них понятны, но, возможно, на это у них уже не будет времени.

Приход Тёмного Кочевника, практически всесильной многогранной сущности, навсегда изменит всю Солнечную систему Красной Звезды и соседние пределы. Это не будет обычное разрушение. Участь куда более ужасная может постигнуть немногочисленных обитателей её галактики. Их мир просто перестанет существовать, время исчезнет, а сами они окажутся в заточении древней чёрной дыры.

Понимала Звезда и то, что, даже если она выполнит условие Кочевника, он всё равно не сдержит своего слова и не пощадит её дом. Красная Звезда знала – сопротивляться силам пришельца она не сможет. Это кочующее между мирами воплощение зла появится в её системе совсем скоро. Что она могла противопоставить такой силе?

Ей оставалось только одно – искать помощь и поддержу у вышестоящих обитателей Вселенных, для начала – у тех, кто управлял галактиками. Будь её воля, она отправилась бы дальше, в ещё более высшее измерение, туда, где обитают хозяева Вселенных или даже кластеров миров, но притяжение её сферы и без того лишило её сил. Так что путешествие даже к этим границам было на грани её возможностей. Чтобы победить, ей нужна была помощь, помощь того, кого она собиралась здесь повстречать.

Тот, кто пропустил её в одну из реальностей вышестоящего измерения, пока не показался сам, впрочем, Звезда была уверена, что узнает Антареса даже через столько жизней и миллиардов лет. Некогда он был её другом и верным спутником во многих приключениях.

– Я и сейчас твой друг!

Красная Звезда резко обернулась на звук знакомого голоса. Теперь понятно, отчего он медлил появляться. Ничего не изменилось в её старом доме, как не изменился и сам всегда хитрый Антарес, всё это время блуждающий в её мыслях, читающий её память и все скрытые воспоминания. А она, глупая, ещё удивлялась, отчего на неё взвалилась такая меланхолия и желание покопаться в прошлом.

– Твои воспоминания полны драмы, Илтим, – улыбаясь, подходил к ней Антарес. – Мне понравилась часть, где ты тоскуешь по свободе.

Красная Звезда не сразу отреагировала на своё старое имя.

– Меня не называли так уже несколько жизней! – искренне улыбаясь старому другу, заметила она. – Но лучше бы тебе не влезать мне в мысли, Антарес!

Звезда изобразила напускную строгость, но не смогла скрыть радости от встречи. Через мгновение она уже оказалась в крепких объятьях друга. Немного успокоившись, оба, глуповато улыбаясь, присели в тенистой беседке, не в состоянии подобрать слова после стольких лет разлуки.

– Прости, Илтим, – Антарес первым нарушил тишину. – Но так мы сэкономим нервы. Теперь, прочитав твои мысли, я знаю, зачем ты пришла.

– Ты прав. Время для меня ограничено, особенно сейчас. Ты ведь понимаешь, чего я боюсь? – Красная Звезда вопросительно посмотрела на друга. Тот кивнул в ответ.

– Тогда помоги мне Антарес! – взмолилась она. – Помоги мне его остановить. Он разрушит мой дом, он убьет моё солнце. Он уничтожит практически всю твою галактику. Ты не можешь этого допустить.

Антарес поднялся и зашагал по беседке. Его длинные серебристые волосы причудливо переливались под исходящим от Красной Звезды слабым свечением, наполняющим окружающую их красоту волшебством.

Помолчав, Антарес обратился к ней не сразу.

– Разве не этого ты хотела? Илтим, твоё солнце будет уничтожено естественным путем без нарушений законов мироздания, и ты сможешь вернуться сюда, – наставительно сказал ей он. – Ты снова окажешься среди равных, восстановишь свою власть, могущество! Вспомни, какая яркая сила искрилась в тебе до этого жалкого мира?! Среди нас, твоих друзей, ты была самой удивительной и непостижимой сущностью. А что теперь? – спрашивал Антарес. – Разорви свою связь с недостойным тебя вместилищем – вернись домой!

Красная Звезда потупила взор, стараясь не смотреть в лучистые, до боли знакомые глаза друга.

– Мой дом теперь там, – тихо, но твердо ответила она. – И если ты не хочешь мне помочь, мне более незачем тебя задерживать.

Звезда порывисто поднялась, собираясь уходить, но Антарес перехватил её руку. Их взгляды встретились, и он, не выдержав застывшей на её лице грусти, поспешно отвёл глаза, но не выпустил её кисти, не давая ей ускользнуть обратно в свою реальность. Вместо этого он спокойно вернул её в беседку, и остался рядом. Не говоря ни слова, они очутились в вязкой тишине, погружаясь каждый в свои раздумья. Их мысли пересекались и оба всё так же скрытно улыбались воспоминаниям, объединяющим их жизни.

В прошлом было уютно и спокойно, оно не предвещало неожиданностей. На то оно и было прошлым, и двое друзей с удовольствием окунались в него с головой, не нарушая тишины. Но где-то невероятно далеко отсюда продолжала своё существование огромная огненная сфера, цепи которой всё сильнее тянули к себе свою хозяйку. Красная Звезда нехотя оставила воспоминания.

Напоследок Антарес всё же нарушил тишину.

– Я не могу помочь тебе, Илтим, – неровно заговорил он. – Тёмный Кочевник всё равно придёт к тебе, но ты ведь можешь всё исправить. Тебе необходимо только забрать у них свой дар – эти знания, что ты им так беспечно вручила, и не стоять у него на пути – отдать ему эту расу.

Красная Звезда собиралась что-то ответить, но он не дал ей заговорить.

– Не нужно протестов. Просто выслушай меня. Ты не должна была так поступать. Эти ничтожные существа не достойны твоей милости, как далеко бы ни продвинулась их эволюция. Да и, к тому же, ты ведь до сих пор не понимаешь, откуда взялись эти знания, и почему именно ты их нашла? – неожиданно спросил Антарес.

Илтим кивнула. Это было так. Знания, которыми так стремился завладеть Тёмный Кочевник, попали к ней случайно и скрывались внутри обычного на вид носителя – неровного осколка. То, откуда, почему и как они появились на её пути, Красная Звезда так и не разузнала за прошлые жизни.

– Нет, – коротко ответила Илтим. – Я понятия не имею, откуда в наших мирах подобный носитель.

– И ты не расшифровала его до конца?

– Едва ли, – призналась девушка. – Мне открылись знания, которые лежали на поверхности. Остальное спрятано внутри.

– Ну, допустим. И как же ты поступила? – раздражённо зачастил Антарес. – Мало того, что ты почти каждому встречному пыталась показать этот невидимый носитель, так ты ещё и создала с его помощью своих ублюдков!

Илтим возмущённо скривилась, но Антарес опередил её.

– Ты не имела права делиться кристаллом и использовать его ради них, – продолжал он. – И ты не могла не знать, что твой поступок навлечёт на тебя беду и гнев высших обитателей Вселенных. Тёмный Кочевник – Архонт. Считай, его раса вторая после Создателей, а учитывая то, что наши творцы исчезли ещё в дни, когда мирозданию пелись колыбели, вовсе – первая. И, по-твоему, такой исполин позволит, чтобы столь ничтожные создания смогли развиться в равных ему? Никогда! Тем более он никогда не допустит, чтобы настолько уникальная реликвия обошла его стороной. Так или иначе, он отберёт этот носитель у тебя!

Каждый день я виню себя, что не повлиял на тебя раньше! От этой твоей находки давно надо было избавиться! Так давай же сделаем это сейчас, пока у нас ещё есть для этого возможность! Отдай его добровольно!

Поверь, тягаться с Кочевником ты не сможешь. Эта твоя раса обречена. Он убьёт лучших из них, остальных обратит в рабство, как делал это уже тысячи раз с другими видами, вне зависимости от того, будешь ты ему мешать или нет. Но для тебя ещё есть выбор. Ты можешь избежать заточения в его тьме, выполнить условия и вернуться сюда, в свой истинный дом.

Пойми, для них в любом случае исход окажется один – гибель и рабство. Выбирай, Илтим. Прими сторону Кочевника и освободись. Я же буду только рад такому решению. Или же оставайся на стороне своих существ, но это будет дорога в никуда. В таком случае Тёмный Кочевник не просто уничтожит тебя, он поработит твою душу навсегда. Неужели ты готова к такой тьме?

Я прошу тебя, прошу во имя нашей дружбы, отдай ему то, что по глупости подарила, и сама исправь свои ошибки. Эти существа не заслуживают и секунды твоих страданий. Клянусь, если ты это сделаешь, я помогу тебе остаться в моей реальности. Ты больше никогда не окажешься привязанной к звезде. Ты вновь будешь свободной!

Антарес с надеждой заглядывал в прекрасные глаза Красной Звезды, но не видел в них согласия. Илтим молчала, застыв на одном месте. Её взор изучал необычный кулон, свисающий на длинных цепях поверх тёмной мантии её друга. Она аккуратно взяла его в руки.

Необычное украшение ожило в её ладонях и заструилось искристым светом, сквозь который она улавливала знакомые очертания и привычные туманности её дома. В кулоне скрывалась миниатюрная копия её галактики, которой управлял Антарес.

– Никто из нас ещё долго не будет свободен, – тихо произнесла она.

– Это твоя цепь, Антарес, – Красная Звезда немного потянула за кулон, и Антарес был вынужден податься за ним, увлекаемый цепочкой. – А это моя, – продолжила она, касаясь схожего кулона у себя на шее, в котором огненными красками вспыхивало красное солнце. – И нам придётся нести их тяжесть.

Антарес отвернулся от девушки, понимая, что проиграл. Но следующие её слова заставили его вздрогнуть.

– Прости и ты меня, друг, – заговорила вновь Красная Звезда. – Я не оставлю всё как есть. Кому-то следовало попытаться сделать это раньше, и я жалею, что решилась лишь тогда, когда беда коснулась меня самой.

– Что ты хочешь сказать?

– Я остановлю Кочевника, – спокойно ответила Илтим. – И пусть для этого у меня нет и сотой доли сил, я найду тех, кто сможет его приструнить – я разыщу наших творцов.

Антарес почувствовал, что бледнеет.

– Ты не сделаешь этого! – неожиданно перешёл он на крик. – Ты никуда не уйдёшь!

– Не уйду, если ты мне не позволишь, Владыка галактики, но ты ведь позволишь? – улыбаясь, спросила она.

Антарес ничего не ответил, но Илтим не сомневалась в друге. Тот позволит ей пройти выше, поможет ей бороться с притяжением солнца. Дальше она уже все спланировала. Сначала она соберёт старых друзей. Важнее всего, чтобы с ней отправилась Летта. Она умела дурачить время, и с её помощью у Илтим будет куда больше дней на поиски.

Ей следовало отправиться к Создателям гораздо раньше, поступить так, быть может, ещё в той жизни, когда она только нашла осколок, который уже шестьсот тысяч лет был в распоряжении Хранителей илимов и существенно влиял на развитие их народа, – уникальный носитель сакральных знаний – её дар, из-за коего теперь ей и её дому грозило уничтожение. Илтим понимала, почему не решилась на этот шаг. Ей было страшно. Найдя осколок, она поддалась искушению и оставила его, в то время как уже тогда понимала, что эта реликвия не простой кристальный носитель, а нечто большее, и зашифрованы в его гранях не своды известных всем догм, а куда более ценная информация. Если только поверхностные знания позволили Звезде создать уникальную жизнь, то что можно сделать с помощью секретов, скрытых в самых глубинах осколка? Неудивительно, что он привлёк внимание Кочевника.

И только страх перед этим Архонтом пересиливал страх перед Создателями. Встреча с высшей расой – своими творцами – пугала её. Она не знала, как те отнесутся к новости, что принадлежащие их мирам знания просочились в руки простого бессмертного существа, коим являлась Илтим. Теперь она вдвойне опасалась их гнева, ведь она не просто сохранила эту находку. Красная Звезда воспользовалась ею, создав не только расу илимов, но и заложив в них фундамент высших существ, а потом и вовсе – передала эти знания им на хранение. Не исключено, что Илтим придется молить творцов как о помощи, так и о пощаде. Но сейчас она уже не могла выбирать. Не было в их Вселенных иной власти, способной остановить Тёмного Кочевника, и у неё не оставалось другого пути, пусть он и опасен.

– До прихода Тёмного Кочевника у меня ещё достаточно времени, чтобы всё успеть и подготовиться. Согласись со мной, Антарес, этот падальщик давно преступил все законы Создателей! Его власть крепнет! Сколько ещё он будет порабощать и угнетать нам подобных? – заканчивала свой рассказ она. – Позволь мне пройти дальше, помоги притупить боль притяжения моего солнца, и, если ты ещё не настолько одрях, отправляйся со мной.

– Он Архонт! – напомнил ей Антарес. – Существо, практически равное Создателям!

– Но он не Создатель, – спокойно возразила Звезда.

Мыслями Илтим была уже в дороге. Она не сомневалась, что её старый друг поддержит это решение, ведь в нём искрилось столько авантюр прежних жизней, но реакция Антареса вернула Звезду к реальности. Владыка галактики в гневе заметался по террасе, не скрывая злости. Он пытался образумить её, он думал, что сможет повлиять на её решение, но он не узнавал своей Илтим. Та юная душа уступила место всё такой же прекрасной, не изменившейся внешне, но переродившейся внутренне сущности, остававшейся глухой к его словам.

– Никто уже вечность не слышал о Создателях! – закричал он. – Никто не встречал их. Да будет тебе известно, что последнего из них видели ещё на заре первой Вселенной! Они сотворили и покинули эти миры, Илтим! Тебе ничего не удастся разыскать, кроме своей глупости!

– Быть может, прародители и ушли, но кто-то из них все ещё может оставаться среди нас, – настаивала Илтим.

– Да они давно в недоступных нам мирах! – злился Антарес. – Туда нет путей ни мне, ни тебе, ни Кочевнику. Я сомневаюсь, что тебе вообще удастся далеко уйти. Создателей же, если они и остались, стоит искать на границах мироздания! Возможно, ещё будучи свободной, ты и пробралась бы туда, но не сейчас. Притяжение твоего солнца тебя вернёт!

– Именно поэтому я и прошу твоей помощи, – уже настораживаясь, повторила Илтим.

Антарес же, словно не слыша её, продолжал изливать гнев.

– Ничего ты уже не успеешь, – в отчаянии бросил ей он. – Ты думаешь, что у тебя есть время, что ты сможешь подготовиться до прихода самого Кочевника? Это не так!

Красная Звезда напряглась под его взглядом, ожидая продолжения. Антарес заговорил вновь.

– Он не глуп! – гневно кричал он. – И пока ты находишься здесь, давно начал действовать. Поверь мне, у него достаточно прихвостней даже среди твоих ничтожных созданий или подобных им. Ещё задолго до своего прихода он натравит их на твоих любимчиков и сделает всё чужими руками. Уже делает!

– На кого ты оставила их расу?! На горстку глупцов, не способных предвидеть завтрашний день? – Антарес вновь схватил её за руки, не давая уйти.

– Так и должно быть, Илтим! – твердил он ей. – Не мешай, останься! Пусть всё закончится. Тебе и мне нужно смириться с правдой, а правда такова – наши миры изменились. Теперь лишь утверждённая сила имеет ценность, а в нём этой силы куда больше, чем в десятках таких галактик, как моя! Прими это! Прими предложение Кочевника и живи дальше! Свободной!

Но девушка с силой вырывалась, пытаясь убежать.

– Что ты сделал?! – выкрикнула она

Антарес не отвечал.

Илтим продолжала внимательно вглядываться в лицо друга. Болезненная догадка постепенно вырисовывалась перед ней. Отступив на несколько шагов, она с ужасом прикрыла рот ладонью.

– Что со временем? – озябшим голосом вырвалось из её груди.

Владыка галактики потупил глаза.

– Сколько прошло времени? – глухо спросила она.

– Илтим, пожалуйста… – попытался Антарес.

– Сколько?! – крикнула она. – Сколько времени я уже здесь?! Один солнечный год?! Столетие?! Больше?!

Антарес попытался вновь проникнуть в её сознание. На этот раз Илтим его не впустила. Шёпот его мыслей не скрывал скользящей боли в его душе. Он искренне переживал за неё, но Красная Звезда не замечала ничего, кроме обуявшего её гнева.

– Час, – вздохнув, ответил Антарес. – Один галактический час твоей системы.

На мгновение Илтим застыла в оцеплении.

Час!

Она отсутствовала целый галактический час! Система была не защищена, и за это время на четвёртой планете миновало практически десять тысяч лет. Антарес продержал её в дурмане воспоминаний сотни веков. И, возможно, держал бы ещё столько же, не стань притяжение к сфере таким ощутимым, разорвавшим даже его власть.

Илтим побледнела.

Десять тысячелетий для четвёртой планеты – немало. Кто знает, что уже успело произойти за эти годы…

– Как ты посмел?! – едва сдерживая ярость, прошипела она.

Антарес попытался к ней подойти, но Илтим отступила ещё дальше.

– Ты предал меня, – с болью в голосе прошептала она.

Друг не знал, что ответить.

– Значит, в моё отсутствие…

– Да, – коротко подтвердил её мысли Антарес. – Ты не успеешь.

Илтим резко развернулась. Её разум потянулся к тонкой мембране между реальностями и измерениями. Она готовила проход. Почувствовав это, Антарес быстро подошёл сзади.

– Не заставляй меня идти на крайние меры! – предупредил он.

Илтим не оборачивалась.

– Не в твоей власти держать меня здесь. По законам Создателей моё место возле моего вместилища, – презрительно напомнила она.

Проход открывался. Тело Илтим рассеялось, сплетаясь с материей, постепенно она покидала реальность Владыки галактики. Не проронив более ни слова, её сущность просочилась по ту сторону. Проход закрылся. Антарес поник.

Он сделал свой выбор.

Глава 6

Слабая волновая дрожь в теле, вызванная раздавшимся поблизости взрывом, мимолётным эхом окатила Энлиля и Энки в центральном сенатском саду, прилегающем к главным постройкам сената Четырёх Канцлеров. Они не придали ей никакого значения, не удосужившись перекинуться и словом. Оба были погружены каждый в свои размышления, тоску и боль по умирающему другу. От волнения они даже забыли об оставленном возле больницы дежурном транспорте, и добирались к сенату теперь на своих двоих.

Путь занял у наёмников ещё около двадцати минут, и, подходя к центральному входу, оба успели застать лишь развязку недавних событий. Реагирующая автоматически спасательная спецтехника деловито шныряла взад-вперёд, не замечая собравшейся взволнованной толпы и хладнокровно действующих спецагентов из службы безопасности сената.

Но даже такое столпотворение не насторожило друзей. Чрезвычайные происшествия, пусть и редко, случались где угодно, даже в одном из пульсирующих сердец планеты – сенате Четырёх Канцлеров.

Миновав техпосты и отмахнувшись от пунктов проверки выданными им несколько часов назад пропусками первого доступа, Энлиль и Энки спешно направились в требуемый им комплекс, где размещались и личные покои ожидающего их Канцлера.

Толпа зевак, тянувшаяся с улицы в холл, не спешила редеть, напротив, чем дальше продвигались Энлиль и Энки, тем больше любопытных и встревоженных лиц встречали на своём пути. А позже и через их панцирь отчуждённости начали долетать обрывки тихих разговоров, то и дело переходящих на шёпот, при приближении кого-то из сотрудников безопасности. Энлиль совсем не собирался прислушиваться к этим пересудам, целенаправленно пробираясь к покоям Канцлера, но кем-то брошенная фраза заставила его резко остановиться.

Недоумевая от услышанного, он вплотную подошёл к тут же зардевшемуся и испуганно заморгавшему полноватому сотруднику, автору фразы. Энлиль не мог знать причины такой реакции у бедняги, да и Энки, также слышавший обрывки этого разговора, практически ничем не отличался от друга в этот момент. Но, будь они всезрячими, смогли бы увидеть себя не в лучшем свете. Оба, с неестественно горящими, налитыми кровью и влагой глазами, не мигая, смотрели на бедолагу, забывшего прикрыть рот.

Энлиль бесцветным голосом приказным тоном потребовал того повторить сказанное.

– В покоях Канцлера Эрида был взрыв, – пролепетал тот.

– Нет, – перебил его Энлиль, – повтори то, что сказал потом.

Стараясь справиться с дрожащей нижней губой, бедняга кое-как выговорил:

– Канцлера ра-разорвало…

Энлиль не стал слушать дальше, сорвавшись с места. Он быстро пробежал оставшийся холл и S-образный широкий коридор, ведущий к нужным покоям, уже на ходу невольно отмечая первые признаки взрыва, вдыхая вонь гари, вызывающую першение. Перед покосившимися на петлях, украшенными некогда искусной резьбой тяжёлыми дубовыми дверьми личного кабинета Канцлера, покорёженными взрывной волной, находились уже только спецагенты и вспомогательная техника. Энлиль с ходу врезался бы в них, не оттащи его вовремя назад крепкие руки Энки, успевшие остановить друга.

Энлиль порывался что-то крикнуть, но Энки, с трудом удерживая друга, на первом же звуке зажал тому рот, оттаскивая упирающегося командира.

– Заткнись, – стальным, кричащим шёпотом, проревел ему на ухо Энки. – Ты навлечёшь на нас все службы.

Отведя немного успокоившегося друга в ближайшее помещение покоев, где никого не было, Энки уже мягче добавил:

– Забыл? Нас здесь быть не должно!

Он продолжал повторять эти слова, медленно отпуская командира.

Энлиль порывисто дышал, блуждая глазами по интерьеру помещения, куда без выбора его втащил Энки, не зная, за что зацепиться взглядом. Энки, несмотря на собранность, был потрясён не меньше своего командира. Оба не успели ещё принять факт скорой кончины своего лучшего друга, но поверить в то, что на этом Смерть не остановится и заберёт ещё одного из тех, кто тебе важен и дорог, никто из них не решался.

Сквозь их опустошённые мысли долетали невнятные звуки. Энки неосознанно проследил их взглядом. Звуки, похожие на всхлипывание, вели в смежную с этим помещением комнату, где находились личные покои первого секретаря Канцлера. Потянув за собой уже не упирающегося командира, Энки без стука приоткрыл дверь.

Сутулый секретарь, поникший и ещё больше постаревший в этот момент, тихо всхлипывал, протирая дрожащей рукой глаза. Его левая рука от кисти до локтя покоилась в наложенном восстанавливающем приборе, заживляющем несложные переломы, вывихи или растяжения. Больше повреждений, по крайней мере, видимых, наёмники не заметили.

– Дидук, – тихо позвал того Энки.

Секретарь быстро поднял глаза, полные печали, затмевающей радость от встречи с его любимчиками.

– Мальчики мои, – отчего-то извиняющимся тоном произнёс он, – такое горе…

Приподнявшись на цыпочки, он ненадолго обнял обоих.

– Что произошло? – усаживая обратно старика, спросил Энлиль.

– Ничего мне они не говорят, – раздосадовано начал Дидук. – Я пришёл к твоему дяде утром. Он не спал всю ночь, но вы же знаете его, как всегда, чем-то обеспокоен, занят.

Секретарь тяжело перевёл дыхание, продолжая:

– Побыл у него недолго, а потом собрался вас встречать. Вышел от него, а он через час как давай меня звать. Я дверь приоткрыл только, и тут всё и случилось.

– Меня отшвырнуло, задело вот, – Дидук поднял закрытую в приборе руку, подтверждая свои слова. – А Канцлер, он-то внутри остался…

– Такое горе, – снова всхлипывая, запричитал он. – Выжил хоть…

– Стой! – и жестом, и выкриком перебил старика Энлиль. – Так Канцлер выжил?

Секретарь испуганно посмотрел на предводителя наёмников.

– Мне важный такой тип из медперсонала нашего сам сказал, что жить будет. Удивлялся ещё так, что не умер. А что? Соврал? – Энлиль и Энки поспешно замотали головами, отрицая сомнения старика.

– Слава небесам! – почти набожно выдохнул из себя Дидук. – Я-то, когда его увидел, сразу понял, что умрёт: обе ноги, рука оторваны, голова – месиво, а внутри, наверное, и того хуже.

Секретарь не видел, как эти его слова больно били Энлиля, представляющего дядю в таком виде. Дидук, не поднимая глаз, старался выговориться.

– Растерялся я совсем, – оправдываясь, тараторил он. – Прибежал к его кабинету и застыл как истукан, не могу шага сделать. А там внутри пыльно и темно как ночью… Я стоял так, не знаю сколько, не долго, наверное. Заметил, как передо мной кто-то шмыгнул вовнутрь, вот тогда и очнулся, сам следом пошёл.

– А там ногу сломать можно, всё побито, ничего не видать, – не делая паузы, продолжал Дидук. – Я сначала вошедшего увидел, а потом уже дядю твоего. Она над ним постояла, недолго, а потом убежала.

– Кто – она? – перебил его Энки.

Дидук ворчливо отмахнулся.

– Что, мне их всех знать? – справедливо возмутился он. – Высокая. Лица не разглядел, в длинной мантии, кажется, была, в капюшоне.

Помолчав, негодуя, секретарь силился вспомнить, на чём его прервали, недовольно косясь на Энки.

– Так я к нему подошёл, – после заминки продолжил он. – Наклонился. Думал, мёртв, а он хрипит. Я и остался с ним, пока помощь не подоспела.

Старик замолчал, не решаясь говорить дальше. Оба наёмника нетерпеливо ждали, зная, что Дидука лучше не торопить.

– Ещё кое-что было, – неуверенно начал он. – Не знаю, может и показалось мне…

– Не страшно. Говори! – подбодрил его Энлиль.

– Я, как дверь открыл, успел перед взрывом мельком увидеть твоего дядю. Может, показалось, – повторился старик, – но глаза у него странные какие-то были, как в крови, красные.

– Не думай об этом, – успокаивая, обратился к нему Энки, задумчиво переглянувшись с Энлилем. – Отдыхай.

Пробыв с ним около часа, наёмники тихо покинули сенат. Выходя из здания через западные ворота, где прохожих было куда меньше, Энки заметил нерешительность командира. Тот то и дело замедлял ход. Догадавшись, о чём он думает, второй предводитель наёмников бросил на ходу:

– Мы не можем к нему пойти.

Энки говорил спокойно:

– Одно дело – раненый военный, другое – Канцлер Республики. Нас задержат ещё на подходе к его корпусу, а как узнают, что наши пропуска липовые, то сам понимаешь, что потом ждёт.

– Он будет жить, и это главное, – ответил ему Энлиль. – Но, его глаза… – тихо добавил он.

Энки ничего не ответил, хоть и сам не мог прогнать из мыслей врезавшиеся туда воспоминания. Не проронив более ни слова, друзья добрались к оставленному рядом с больницей транспорту. Оба молчали. Слишком многое произошло за последние сутки, и Энлиль не представлял, с чего начать. Поразмыслив минуту, он выбрал курс на временное убежище. Там их ожидал оставленный в спешке экипаж. Сначала команда, остальное потом.

– Летим домой, – приказал он.

Энки принял управление. Через десять минут транспорт заходил на посадку.

Скрытое от чужого любопытства убежище находилось в полузаброшенном здании бывшего управления статистики на одиннадцатом этаже под землёй. Чуть ниже, на одной из подземных стоянок, переделанных под ангар, остывал от недавнего шального полета их маневренный малогабаритный корабль военного типа фрегат с поэтичным названием «Ласточка», а рядом с ним, весело переговариваясь, судачили четверо наёмников из их отряда, и трое забытых всеми экспертов во главе со смеющейся над чем-то Иннат. Позаботившись о благополучно доставленных дипломатах, те вынуждены были вернуться обратно, дожидаясь дальнейших распоряжений своих временных командиров. Никто из них ещё не знал о случившемся с Канцлером, напротив, после сложного задания все готовились к веселью, накрыли неказистый стол, достали из закромов хорошее вино, смеялись.

– Ну наконец-то, – увидев командиров, всплеснула руками Иннат, но, поравнявшись с ними, девушка сразу умолкла, уловила тень в глазах наёмников. Не став спрашивать о случившемся, она обернулась. Веселья на лице Иннат как ни бывало.

– А ну живо, давайте, собирайте. Вам бы только выпить! – как фурия, заругалась девушка, заставляя наёмников быстро сворачивать стол.

– Иннат, свет мой, что за зараза в тебе? – возмущались уже повеселевшие наёмники. – Хорошо же сидим.

– Давай, давай! – подталкивала тех эксперт, пока шумная гулянка не затихла вовсе, а недовольные мужики не разбрелись по своим каютам.

Энки с благодарностью улыбнулся девушке, и немного смутился, поспешно ретируясь, когда та неожиданно улыбнулась в ответ.

Не став вдаваться в подробности, Энлиль приказал техникам провести осмотр корабля перед уходом, а экспертам закончить всю бумажную волокиту по последнему заданию, возиться с которой сейчас у него не было ни сил, ни желания. Переговорив с остальной частью отряда, Энлиль распустил всё ещё бузивших наёмников по домам, выдав тем заслуженное вознаграждение. Случившееся с Видаром и Канцлером никак не касалось ребят, и впутывать их в эту историю он не собирался.

Покончив с неотложными обязанностями, Энлиль собирался незамедлительно вернуться в больницу, но заметив притихшего в дальнем углу ангара Энки и, направившись было к нему, резко повернул обратно. Ему и самому хотелось побыть одному. Хотя бы немного. Ноги вывели его к обжитым комнатам. Поднявшись на два пролёта выше подземной парковки, он нехотя переступил порог этажа, открывая тайный проход, ведущий напрямую из ангара к их комнатам. Находились они по соседству с давно изжившими себя техническими помещениями и складом, куда когда-то сбрасывалось всё подряд, от старых стульев до потрёпанных штор. На двери отдела красовалось: «Учёт инвентаря», к которому оба наёмника не имели ни малейшего отношения. В последний раз друзья останавливались здесь почти год назад и занятые ими помещения соскучились по ним не меньше их самих, грустно демонстрируя пыль и паутину во всех углах. Уныло осмотрев обветшалые комнаты, Энлиль запустил автономные устройства уборки, и те услужливо расползлись по всем углам.

Стараясь не мешать жужжащим и старательным уборщикам, Энлиль выскользнул из отдела. Свежая прохлада воздуха приятно бодрила, но не помогала сосредоточиться, да и недавнее ранение давало о себе знать, отзываясь ноющей болью в груди. Ему следовало завершить полный курс восстановления, не покидать капсулу так быстро. Теперь же организму приходилось обходиться своими силами.

Но он и не отгонял от себя эту боль, прячась за ней, как за ширмой. Ненадёжной ширмой, сквозь которую постоянно проталкивались воспоминания о Канцлере и умирающем друге. Злость путала мысли Энлиля. Известие о том, что его дядя будет жить, лишь на мгновение сбросило тяжесть с плеч, навалившись с новой силой, стоило ему только вспомнить, что одному из его близких всё же предстоит умереть. Как бывший военный и опытный наёмник, Энлиль давно научился воспринимать смерть отчуждённо, но как другу умирающего молодого парня ему было сложно примириться со всей безысходностью этого простого биологического процесса.

Осознание утраты давило на него, перерастая во вспышки гнева, короткие, но предельно меткие, спрятаться от которых он не мог. Энлиля раздражало и злило его бессилие, невозможность что-то изменить. И даже не зная о так и не озвученных мыслях Канцлера, он уже думал о том, чего хотел его дядя. Предводитель наёмников всё больше погружался в чувство, доселе ему неизвестное – жажду мести.

От неконтролируемой злости его отвлёк короткий сигнал браслета-устройства, принявшего сообщение. Что-то кольнуло внутри. Сердце забилось быстрее. Ещё не открыв послание, Энлиль уже знал, что там увидит. Запустив короткую запись, стараясь не смотреть на знакомое лицо доктора, предводитель наёмников выслушал короткий отчёт пожилого врача. В конце шло ещё более короткое соболезнование. Тихий сигнал. Конец.

Застыв в холодном порыве, Энлиль медленно сполз на колени. В область раны ворвалась боль, растекаясь по венам. Кровь бурлила. Но кругом, как ни в чём не бывало, запутав-

шись в листве деревьев, что-то ласковое насвистывал лёгкий ветерок, на иссиня-чёрном небе мерцанием самоцветов светили далекие звёзды, пели птицы. Их трель острыми иголками колола слух наёмника. Словно пытаясь заглушить счастливых безмятежных птиц, Энлиль громко взревел. Его крик на мгновение перекрыл всё вокруг, утонув в короткой тишине. Поднявшись, наёмник медленно поплёлся обратно.

Ветер – шептал, звёзды – светили, птицы – пели.

…

Антарес вертел в руках свой медальон, всматриваясь в крупицы звёзд, рассыпанных по его галактике. Он любовался небольшой красной сферой, ничем не выделяющейся, обычной звездой, мерцающей в хвосте самого широкого рукава галактики, огибающего её практически по всему внешнему периметру и уходящему завитком от её центра. Красная сфера легко могла затеряться в этой части галактики среди миллиардов себе подобных светил, если бы не скрывала за собой то, что не раз тянуло к себе мысли одного из высших обитателей Вселенных: её хозяйку.

– Значит, она отказала и тебе.

Холодный, полный металла голос заставил Антареса поёжиться. Он поспешно спрятал кулон под ворот мантии. Его гость как всегда пренебрегал приветствиями, не отказываясь от эффектных появлений, в особенности, когда его никто не ждал.

Не то чтобы Антарес боялся стоящего за его спиной гостя, хоть страх и порывался пробраться в его сознание, всё-таки личная встреча с могущественной сущностью, обладающей силой и властью, в сотни раз преобладающей его собственную, не могла не отразиться и на нём.

Меньше всего Антаресу сейчас хотелось оборачиваться и встречаться взглядом со своим гостем, не нуждающимся в чьём-либо разрешении, чтобы проникнуть в его реальность. Но он чувствовал въедливые глаза собеседника, пронизывающие его, и даже прикрыв веки, Антарес никуда не мог спрятаться от его чёрных зрачков, расширенных и хищных. Его гость и так прекрасно видел насквозь Владыку галактики.

– Ты говорил, она послушает тебя? – не нарушая тишины, вновь обращался к нему он. – И я поверил, теряя своё время…

Антарес внутренне ощущал исходящую силу от собеседника, способную смять даже Вселенную, и эта сила преображалась в злость. Его гость начинал злиться и терять терпение. Но что Антарес мог ему ответить? Он и сам не ожидал, что его милая Илтим откажет ему, и не примет его помощь. Но чего он уж точно не ожидал, так это её решения, того, на что она была готова пойти ради спасения этих ничтожных существ.

Антарес понимал, Илтим не играла с ним, она действительно выберет бессмысленное сражение, когда настанет для этого время, и его гость злился на него не без оснований. Он не оправдал его доверия, но что случится, когда он узнает, что Антарес ещё и подтолкнул Илтим своими словами к подобному решению, он даже не хотел думать, стараясь и без того сохранять барьер между своим разумом и напирающим со всех сторон сознанием гостя.

– Вскоре ты получишь то, что хочешь, – поспешно заговорил он. – Я знаю, ты могущественен, но я слышал, что ты и мудр. А мудрость ведёт если и не к терпению, то хотя бы к состраданию. Позволь всему свершиться без твоего прихода, не поглощай ни её, ни мой дом.

Гость не спешил отвечать. Медленными шагами он приближался к своему собеседнику. Антарес чувствовал его мерзкое дыхание у себя на затылке, ему чудилась повисшая в воздухе вонь, исходящая изо рта Тёмного Кочевника. Мерзкий сладковатый запах разложений щекотал его ноздри и вызывал тошноту. Своим сознанием Антарес не мог укрыться

от своего гостя и против воли видел его дряхлое, ссутулившееся, покрытое грязными обносками тело, застывшее всего в нескольких сантиметрах рядом.

– Я стар? – спросил его гость, обнажая в улыбке гнилые зубы. – И поэтому ты ищешь во мне мудрость?

Антарес не нашёлся, что ответить. Он едва заставлял себя стоять на месте и не отшатнуться от нависшего рядом с ним старика. Его гость тем временем продолжил свой бессловесный разговор.

– Тебе противна эта вонь? – с нескрываемым наслаждением спросил он. – Ты знаешь, откуда она?

Антарес отрицательно взмахнул головой.

– А я думаю, что знаешь, – всё так же ехидно улыбаясь, продолжил гость. – Я ведь падальщик. Так вы называете меня за спиной, когда думаете, что рядом никого нет.

Гость немного помолчал, трогательно всматриваясь своим сознанием в глаза Антареса.

– А есть и ещё одно имя, – обходя Антареса и становясь напротив, заговорил вновь он. – Напомни мне его, мой друг.

– Тёмный Кочевник, – нехотя произнёс Антарес.

– Да, да, Кочевник, – театрально всплеснув костлявыми руками, улыбнулся он. – Откуда только в вас столько тяги к эпичному? Ну да ладно, о чём мы мило беседовали с тобой до этого? (Кочевник изобразил задумчивость) Зловонье, ах да! Тебе не нравится мой запах.

Старик понимающе закивал.

– Я не виню тебя за брезгливость, любезнейший мой друг. Ты неплохо держишься. Поверь мне, многих выворачивает, когда я появляюсь рядом в этом обличии.

Антарес молчал, зная, что стоит ему открыть рот, и содержимое его желудка окажется на красивом мраморном полу его веранды.

– Ты слышишь необычную вонь, мой друг, – тем временем продолжил Кочевник. – Это вонь разлагающихся миров, уничтоженных мною, вонь душ тех, кто оказался в моём плену, вонь их страха и отчаянья.

– Ты считаешь меня Злом, – говорил дальше Кочевник, не обращая внимания на побелевшее лицо собеседника. – Но, видишь ли, мой юный, наивный юный друг, кому-то досталась роль созидателя, роль Добра. Мне – нет. Я навожу порядок, другими словами – разрушаю, и в этом нет мудрости, на которую ты уповаешь. А знаешь, что есть?

Антарес вновь промолчал.

– Скука, – коротко ответил Тёмный Кочевник. – Сплошная скука. С чего мне опять давать тебе время? С чего лишать себя такого развлечения? Лишать себя такого общества? – Кочевник заметил, что попал в цель. – Лишать себя общества твоей подружки? – ехидно повторил он.

Наблюдая за рвотными позывами, изводящими спазмами лицо Антареса, Кочевник наконец-то сжалился над собеседником, позволив своему настоящему обличью вновь уйти вовнутрь. Теперь вместо дряхлого старика, расправив гордые широкие плечи, рядом с хозяином галактики ступал молодой мужчина, статный, волевой, красивый, но и за его внешностью Антарес угадывал черты того, кто ещё секунду назад дышал ему в лицо мертвечиной.

– Нет, мой друг, – говорил ему Тёмный Кочевник, – я устал ждать.

Антарес, восстановив дыхание, собирался что-то сказать, но его гость властно поднял руку.

– Я знаю, – просто ответил ему он.

Кочевник вновь приблизился к Антаресу.

– Серьёзную игру ты затеял, мой друг, – продолжил он. – Ты хочешь помочь своей прекрасной Красной Звезде, уничтожив то, что является для неё смыслом жизни? А она знает о твоём благородстве, о том, что ты уже делаешь для меня? – Кочевник дружески приобнял

Антареса, изображая сочувствие. – Бедняга, ты обрекаешь себя на вечную ненависть с её стороны, – печально произнёс он. – Зачем?

Кочевник вновь прервал Антареса, когда тот собирался ответить.

– Хотя, нет, не отвечай! Я догадываюсь, что здесь не обошлось без глупых чувств и, видимо, невзаимных.

Антарес спокойно встретил взгляд угольно-чёрных, мерцающих глаз. Тёмный Кочевник улыбался красивой, жизнерадостной, почти доброй улыбкой, и она походила бы на такую, не будь в ней оскала хищника. Медленно сбросив руки гостя со своих плеч, хозяин галактики отступил на несколько шагов назад, молча показывая, что разговор окончен.

– О, похоже, мне тут не рады! – не стирая ухмылки со своего лица, обронил Кочевник.

Он быстро открыл проход между измерениями, но уходить не торопился. За его спиной бушевала разъярённая материя миров, потревоженная его вмешательством. Он без особых усилий удерживал тоннель, не обращая внимания на возмущение энергии. Антарес же ощущал эти аномалии сполна, но не собирался доставлять гостю удовольствие, проявляя при нём боль, хоть и чувствовал её во всём теле. Он продолжал не сводить взгляда с Кочевника, а тот, в свою очередь, продолжал наигранно улыбаться.

– Ты нравишься мне, Антарес, – неожиданно заявил Кочевник. – И не нужно отрицать, что мы похожи. Ты мог бы служить мне. Служить Архонту! Представь, какую власть я тебе предлагаю.

– Ты предлагаешь мне всего лишь сменить одну цепь на другую, – резко ответил Антарес, но его тон не смутил гостя.

– И взамен получить всё, что ты хочешь, – вкрадчиво продолжил Кочевник. – Подумай о моём предложении. Пока что я добр к тебе, мой друг.

Кочевник обернулся к тоннелю.

– А как же Илтим? – окликнул его Антарес.

– Что ж, – немного подумав, не оборачиваясь, ответил Кочевник, – в знак моей доброты ты можешь попытаться завершить начатое. Помоги мне получить то, что я хочу. Эти знания скрыты в носителе – осколке, который мне не подвластен. В этом вся беда, мой друг. Мне нужен этот носитель, но лишь в том случае, если я смогу им воспользоваться. За то время, пока ты дурачил свою прекрасную Илтим, моим рабам удалось продвинуться во многом. Её раса истощена, но они так и не нашли способа заполучить сам осколок, хоть и близки к этому. Ради тебя, друг мой, я даю им ещё полмесяца времени их главной планеты. Мало, знаю! Но это предел.

Как только тем или иным путём знания окажутся у меня, я попрошу тебя, любезный Антарес, ещё об одной услуге – ты позволишь мне построить проходы в её систему и впустить свои армии. Эта часть уговора как любителю зрелищных представлений должна понравиться и тебе. Признаю, уходить без хорошей войны я не стану, да и мне давно пора пополнить список рабов. Так что, как видишь, я могу управиться и чужими руками. Ты ведь знаешь, мне не обязательно приходить самому. Не обязательно приводить своё вместилище и порабощать в него Илтим. Всё сделают мои пешки. Звезда, конечно же, постарается нам помешать. Не думаю, что у неё не осталось отступных путей, – шептал Кочевник, – она слишком умна, чтобы не предвидеть и твоего предательства. Оставаясь далеко от её Солнечной системы, я не так могуществен. Мне не отследить всех её ходов без тебя. Сделай всё, что я прошу, ослабь её, это в твоей власти. Закрой её силу прямо сейчас!

Но главное – не мешай! Не мешай мне! Как только я получу эти знания, удовлетворюсь битвой и новыми рабами – я уйду! Кто знает, может это убережёт красавицу, – притворно улыбался он. – После поступай, как знаешь: делай её свободной, взрывай её звезду или удерживай в неволе – мне плевать.

Владыка последовал к проходу.

– И, Антарес, – голос Кочевника проскрежетал металлом в его сознании, – если ты предашь меня…

Он не стал заканчивать фразу. Интонация говорила сама за себя. Антарес прекрасно понимал последствия его последней угрозы. Он проводил взглядом уходящего гостя и с облегчением почувствовал закрытие прохода.

На мгновение Антарес ощутил намёк на сомнение в том, что он собирался сделать, что уже делал. Он знал, что предает Илтим, но что, если это была единственная возможность уберечь её от опасности? Взвесив в который раз все мысли, он вновь отбросил сомнения. Цена того стоила, и Антарес, не находя облегчения в своём сердце, понял, что готов её заплатить.

Глава 7

Спустившись на свой этаж, Энлиль машинально замер у двери, ведущей в обжитые ими помещения, заметив приоткрытые створки.

– Энки, – тихо произнёс он, не зная, как сказать о кончине друга.

Сделав глубокий вдох, Энлиль резко толкнул дверь, но приготовленная для товарища речь так и осталась висеть в воздухе. Он нелепо уставился на представшую его взору картину. В его личном кресле, найденном в груде выброшенной мебели на соседнем складе, сидела закутанная в просторную мантию незнакомка.

Давно командир не чувствовал подобного замешательства. Абсурдность всего происходящего, новость о смерти Видара и необычная красота девушки приковали его к порогу, и он, до нелепости, не мог вспомнить, как его переступить.

Была и ещё одна причина, по которой командир растерялся. Непонятная мысль крутилась у него на уме. Наёмнику не удавалось её упорядочить. Лишь позже он вспомнил, что именно так его взволновало – девушка была ему смутно знакома. Но откуда, этого Энлиль не знал.

Наконец-то ему удалось вернуться в реальность.

– Кто ты такая?! Как ты сюда попала?! – удивляясь своему голосу, гаркнул он.

– Сюда трудно попасть? – нисколько не испугавшись, вопросом на вопрос ответила девушка.

Её спокойствие и непроницаемость всё больше раздражали Энлиля. В несколько шагов преодолев расстояние до стола, он силой выдернул девушку из кресла, не опасаясь, что при ней может оказаться оружие. Охранная система засекла бы проникновение на территорию их убежища любого зарегистрированного и незарегистрированного механизма, но девушка и без этого могла представлять опасность. В росте она уступала Энлилю всего несколько сантиметров, а на скрытых тканью хрупких, на первый взгляд, плечах он сразу отметил твёрдые мышцы.

– Я запирал дверь, – механическим голосом сказал он.

– Я не заметила.

Терпение Энлиля подошло к концу. Он не собирался играть по правилам незнакомки. Не сводя с неё взгляда, командир наёмников медленно поднёс ко рту датчик-браслет на правой руке, намериваясь вызвать себе в помощь дюжих техников. Девушка незаметно перехватила его руку, а Энлиль, вместо того, чтобы среагировать стандартно, так и застыл, не в состоянии вырвать запястье из красивых сплетённых в замок пальцев. Впервые он заставил себя прямо взглянуть на стоящую перед ним девушку. Тёплые, цвета бурого дерева глаза обволакивали и затягивали взгляд Энлиля в чёрную и безмятежную муть её зрачков, ещё больше оттеняясь на фоне светлой, словно порцеляновой, кожи. Тихий голос девушки слабым эхом отзывался в голове командира. Она что-то говорила.

Энлиль дёрнулся, словно от электрического разряда, и поспешно освободил руку.

– Меня зовут Кали, – повторила девушка. – И я пришла помочь.

…

Верховный главнокомандующий Сеннаарским военно-космическим флотом адмирал Сварог перечитывал распечатанный текст директивы, чьё содержимое отражалось на зрелом, закалённом лице адмирала, не предвещая ничего хорошего для его подчинённых. Следуя директиве, кораблям первой флотилии под командованием Сварога надлежало отправиться к пограничным планетам и спутникам западного сектора Республики. Также адмирал

должен был распределить на своё усмотрение, каким флотилиям доверить остальные три сектора.

Это решение совершенно не нравилось Верховному главнокомандующему. Рубежи Республики и без того охранялись постоянно действующими пограничными отрядами и заставами. На недавнем совете адмиралов, Правителей и Канцлеров он предлагал усилить заставы дополнительной авиацией, но никак не думал, что последние примут решение перетянуть к границам практически все основные силы. Если к заставам отправятся четыре флотилии, в центре Республики останется только две, и этого было недостаточно для территории, занимающей в радиусе в среднем двести пятьдесят световых лет.

Сварог и сам не меньше остальных беспокоился о таинственных кораблях-разведчиках, то и дело возникавших вблизи границ Республики, но не видел существенного повода для такой дислокации всего флота. Сухопутные, морские и воздушные силы планет и спутников полностью подчинялись двум сенатам, но военно-космические, как главный защитный барьер государства, существовали практически автономно, и, если для управления остальными силами было достаточно подписи одного-двух представителей высшей власти, то в этом случае требовались уже четыре. На полученной им директиве стояли печати трёх Канцлеров, заверенные Правителем Аллалгаром.

Как Главнокомандующий Сварог мог опротестовать это решение, будь у него на руках хоть какие-то факты. Но его разведывательным отрядам так и не удалось захватить неизвестные корабли, как и установить причины их появления. Конечно, никому не понравится, что на границах твоей страны ведется неизвестная и пока непонятная деятельность. И Сварог первым выступил за усиление гарнизонов, но оба сената проголосовали за кардинальные меры – вывод флотов к границам, словно Республика уже была в состоянии войны.

– Политики, что дети малые, – негодуя, возмущался он.

С одной стороны, Главнокомандующий понимал страх политиков. Последние тысячелетия изобиловали вторжениями и конфликтами, да и слишком сильным пока оставалось эхо повстанческой войны, положившей конец Империи. И, на фоне всего этого, политики не отбрасывали возможности мести со стороны потомков поверженного режима, хоть и без таковых у Республики хватало недругов.

На выполнение передислокации военно-космических сил Сварогу давалось три недели. У него ещё оставалось время для отмены или пересмотра решения сенатов, но для этого ему требовалась поддержка Верховного Правителя. Учитывая то, что присланная директива была утверждена Правителем Аллалгаром, на его благоразумие Сварогу рассчитывать не приходилось. Оставалась только Правитель Александра. Та сейчас отсутствовала на планете-столице и совершала запланированные рабочие визиты по системам Республики, что было только на руку адмиралу.

Сварог прекрасно помнил секретный маршрут Правителя, ведь он сам его составлял. Вскоре её кортеж войдёт в систему, где сейчас базировалась флотилия Сварога. Но адмирал не собирался ждать. Уничтожив распечатанную копию директивы, Главнокомандующий приказал подготовить звено из четырёх малогабаритных боевых кораблей пятого ранга и двух боевых скоростных галионов.

Он лично полетит навстречу Правителю и сумеет её убедить.

…

Тень, укутанная тёмной мантией, сливалась с неосвещённым интерьером старого поместья, заброшенного почти два столетия назад. Тот, кто отбрасывал эту тень, не показывал своего лица сжавшемуся под его криками головорезу и наёмнику Марсиусу, хоть бедняга не раз уже его видел. Но ему и не нужно было этого, чтобы узнать своего Хозяина, которого он называл всегда только так, не прибегая к именам. Даже оставаясь практически в полной

темноте, Марсиус чувствовал, как от собеседника исходила вибрация властности, к которой он давно привык.

Старое поместье, где сейчас проходила тайная встреча наёмника и его нанимателя, давно служило им местом для подобных разговоров и секретов, которым предстояло оставаться под куполом этих дряхлых сводов, держащихся пока лишь на честном слове некогда возведшего их архитектора.

Хозяин наёмника был не просто не в духе. Марсиус прекрасно знал взрывной характер нанимателя, но таким он его ещё не видел. Тот не скупясь платил ему за каждую грязную работёнку, но последние его заказы, пусть куда более щедро оплаченные, чем ранее, были и куда сложнее предыдущих, и Марсиус и его пособники то и дело допускали мелкие просчёты. Однако сегодня, похоже, его извинений и объяснений будет уже недостаточно.

– Как могу я тебе доверять, если ты не справился даже с этим?! – расхаживая по скрипучему паркету, не прекращал браниться его наниматель. – Я приказал тебе убить их всех. Всех!

Хозяин развёл руки в стороны.

– И что же? – вопросительно продолжил он. – Наёмники живы! Канцлер – жив! И мне вновь придётся разгребать твоё дерьмо!

Наёмник продолжал тихо пятиться под крики своего Хозяина, упёршись, в конце концов, в изъеденный насекомыми шкаф. Дальше отступать было уже некуда.

– Но там появилась эта девка, – нерешительно начал оправдываться Марсиус. – Я не мог ждать. Она бы убила меня.

– Вот именно, Марсиус, вот именно! – продолжал негодовать его собеседник. – Ты как всегда спасал свою шкуру!

Хозяин с особым рвением, не прикасаясь к наёмнику, отхлестал беднягу, пока щёки того не превратились в багровое пятно. Отбросив его от себя, Хозяин, в который раз поразился дарованной ему практически десять тысяч лет назад силе. Даже через столько веков он ещё не совсем умел с ней управляться, но её практически безграничная для смертного существа мощь приятно будоражила его вены, разливаясь по телу с каждым ударом сердца, продлевая и без того в разы затянувшуюся жизнь.

Его взгляд упал на пресмыкающегося перед ним наёмника.

«Как жаль, что я вынужден пользоваться услугами этих червей!», – мысленно взревел он.

Уже долгие годы он не мог дождаться времени, когда сможет действовать сам, не скрываясь, без таких вот помощников, не боясь никого и ничего. Но этого не случится до тех пор, пока воля того, кто даровал ему эту силу, не будет исполнена. Очередной же провал Марсиуса только вновь откинул его на шаг назад в этом деле, которое он уже не имел права не закончить. Слишком многое было поставлено на кон. Многое, и его жизнь тоже.

При одной только мысли о том, кто дал ему эту силу, у Хозяина зашевелились густые волосы на затылке. Если он не исполнит свою часть уговора, немыслимо и представить, что ему предстоит испытать в случае провала.

Тем временем его наёмник-слуга продолжал причитать и вымаливать прощение. Скрытое тенью лицо Хозяина перекосилось от отвращения. Он уже подумывал о том, как избавится от этого ничтожества, когда всё закончится. Но пока, как он ни хотел это признавать, ему ещё требовались услуги Марсиуса и его сброда наёмников.

– Я знаю, где их найти, – скулил тот. – Мои парни выследили их. Я не подведу, клянусь!

– Конечно, ты клянешься! – брезгливо заметил собеседник. – Но твоих клятв недостаточно. Запомни, всё должно закончиться через полмесяца! Никаких отсрочек более не будет! Нельзя, чтобы они вмешались в моё дело. Нельзя, чтобы хоть кто-то им подобный выжил! Я призову тебе в помощь своего слугу.

Марсиус недовольно покосился на своего господина, но сдержался от протестов. Он ненавидел подобное, когда ему навязывали не проверенных им наёмников, однако спорить с ещё не остывшим Хозяином было бы куда большей ошибкой.

– Слушайся моего помощника, – тем временем продолжал держащийся в тени собеседник. – В отличие от тебя он ещё ни разу меня не подводил.

Последние слова как пса хлестнули Марсиуса, но наёмник снова смолчал.

С лёгкостью построив в слоях невидимого пространства мгновенный портал, соединяющий поместье с планетой-столицей, Хозяин надменно отвернулся, всем своим видом показывая слуге, что аудиенция окончена. Уже собираясь уходить, Марсиус не сдержался от давно мучающего его любопытства, отрывая Хозяина от размышлений:

– Почему они так важны? – с запинкой спросил он. – Двое из них – простые наёмники, третий – всего лишь телохранитель. Они не опасны для вас, господин.

– Держи своё любопытство при себе, – отчуждённо ответил Хозяин, более не обращая внимания на притихшего наёмника. Тот, стараясь вновь не навлечь на себя гнев, быстро убрался в сомкнувшийся за ним проход портала, в одно мгновение переносясь на Аккад.

Почувствовав, что он один, Хозяин устало встряхнулся, словно отгоняя от себя заплесневелый воздух этого старого поместья. Он никогда не любил этот огромный дом. Не любил его убитые временем воспоминания, блуждающие в каждой комнате, в каждом забытом здесь предмете, словно в чужой жизни, кем-то так и не прожитой. Но сейчас, остудив пыл на своём нерадивом слуге, Хозяин был даже рад побыть здесь в одиночестве.

Гробовая тишина дома отчего-то пугала и притягивала одновременно. В последние, решающие для него дни, ему не хватало такого забвения, царящего в этом поместье, дарящего так нужный ему покой. Сбросив груз сомнений и страха, Хозяин вспоминал проделанный путь, оборачивался назад, видел, насколько многим ему пришлось пожертвовать. Но цель того стоила – власть. Она оправдывала любые меры, и он не позволит, чтобы те оказались напрасными.

Глупо было надеяться, что всё всегда бы шло как по маслу. Впрочем, удача долгое время сопутствовала ему, и тот, кого наёмник называл Хозяином, с успехом водил за нос бедного Канцлера Эрида и его друзей многие века, пытающихся разоблачить предателя, и не знающих, что он куда ближе к ним, чем кажется.

Он глумливо рассмеялся в тишину дома.

– Глупцы!

Хозяин плёл сети интриг практически десять тысячелетий, но догадываться о чём-то Канцлер и окружение стали лишь в последние годы. Да и то, будь Марсиус порасторопнее, ничего бы не всплыло. Теперь же Хозяину следовало поторопиться. Сроки заключённой им много лет назад сделки с могущественным нанимателем истекали. Он помнил содержание этого договора так же отчётливо, словно слышал его секунду назад. Всего несколько предложений, не более тридцати слов, а сколько труда в них таилось. Сколько преград!

Вдыхая спёртый воздух из пыли и песка, Хозяин невольно в который раз вспоминал свою кровную сделку. Сейчас, через годы, ему хотелось верить, что он вершил тогда свою судьбу единолично, но чем больше времени проходило, тем отчётливее он понимал – судьба выбрала его сама. Не он пришёл к Владыке, а Владыка нашёл его. Нашёл, потому что рассмотрел в его сущности готовность идти до конца. И выслушав его предложение, Хозяин согласился, едва голос Тёмного Кочевника утих в его разуме. Он согласился на всё: предать своих друзей, родных, свою расу. Но предать ли? Такой ли он ужасный, коим считал себя сам? Нет!

Он – спаситель!

Владыка сказал ему тогда: «Исполни мою волю, и я сохраню твою расу».

И первые столетия, когда ужасные деяния ещё мучили совесть, Хозяин прикрывался этими словами, называя себя спасителем. Он убивал и заставлял убивать, считая это малым злом. Но когда число жертв перевалило за тысячи, а сила, дарованная ему, окончательно поглотила его сущность, Хозяин отбросил любые угрызения, и не скрывал уже от себя своих истинных целей – он убивал ради власти. Он отнимал жизни, не потому что был должен, а потому что хотел.

Впрочем, в чём-то он оставался и спасителем. В конце концов, если ему не удастся выполнить обещанное, его раса действительно будет растоптана. В случае же успеха, он останется её поводырем, её властителем, её истинным тираном. Именно для этого он потратил столько лет, сменил столько обличий.

Приказанное ему оказалось куда сложнее, чем Хозяин мог предположить, хоть и заключалось всего в двух поручениях: убить некоторых представителей своей расы и разыскать уникальный артефакт.

И с первым, и со вторым условием он все ещё не справился. Хотя с убийствами было практически покончено. Оставалось уничтожить наёмников, некоторых Хранителей и ещё нескольких избранных. Только с их смертями список будет полным. Что же касается Канцлера, он не представлял опасности. В этом невысоком, жилистом старике не было и намёка на какие-либо способности чистого разума, и беда его крылась лишь в том, что сам политик просто путался под ногами. Сейчас же Эрид оказался вне игры и вряд ли придёт в себя до тех пор, когда всё закончится. На его помощь братство и наёмники могут уже не рассчитывать. Убить же Канцлера Хозяин всегда успеет.

Правда, не убийства были главным условием Кочевника, хоть Хозяину практически и удалось очистить свою расу от скверны, уничтожив тех, кто в процессе перерождений и эволюции представляли угрозу его нанимателю. Второе условие – артефакт, вот что интересовало Владыку превыше всего – главная реликвия Сеннаарского братства, таящая в себе знания, по сравнению с которыми достижения Республики приравнивались к скромным потугам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.